(И 3
727
20229
Пр 1945

ФОНДА

58/66

20229

I 8 140

16470/ф

Пр. 1955 г.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
Серія историческая.

9(И)3
П27

В. ПЕРЦЕВЪ

75474

ГЕРМАНІЯ и АВСТРІЯ

въ XIX вѣкѣ.

20229

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

БИБЛИОТЕКА
Свердловского
Госуниверситета
им. А. М. Горького

ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА
БИБЛИОТЕКА
Народного Комиссар. по Воен. Дел.

Топографический
Г. У.
каталог

Акціонерное Общество
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА»
МОСКВА.

9(431)3

Москва—1917.
Тип. Акц. О-ва «Универсальная Библіотека».

Германія и Австрія въ XIX вѣкѣ.

Въ исторіи Европы XIX вѣка едва-ли можно найти большія противоположности, чѣмъ государственное и общественное развитіе Германіи и Франціи. Французская исторія этого времени была обильна частыми и бурными потрясеніями, французскій народъ часто вступалъ въ острыя столкновенія съ властями, и главнѣйшія измѣненія въ государственномъ устройствѣ и общественныхъ порядкахъ Франціи въ большинствѣ случаевъ были результатомъ революціонныхъ движеній. Можно сказать, что до послѣдней революціи 1870-71 г. г. народъ во Франціи мало получалъ изъ рукъ правительства и чаще бралъ самъ то, что ему было можно взять. Только послѣ упроченія республики французская исторія пріобрѣла болѣе мирный характеръ.

Не такъ было въ Германіи. Организованныхъ общественныхъ классовъ тамъ въ первую половину XIX вѣка почти не было; поэтому правительству было не трудно держать руководство всей государственной и общественной жизнью въ своихъ рукахъ. Если же отдѣльные общественные классы и поднимали революціонныя движенія и вступали въ борьбу съ властью, то правительству было нетрудно или подавить эти движенія (какъ это было въ 1848 году), или направить въ русло, угодное для правительства (какъ это было въ 1813 году). Во второй половинѣ XIX вѣка общество оказалось болѣе организованнымъ; буржуазія, пролетарі-

атъ и другія общественныя группы сплотились въ прочныя общественныя соединенія и довольно стойко отстаивали свои права и интересы. Но правительство и здѣсь не выпустило руководящей власти изъ своихъ рукъ. Отчасти путемъ уступокъ общественнымъ желаніямъ, (главная изъ нихъ—введеніе всеобщаго избирательнаго права въ Германіи), уступокъ, которыя однако никогда не принимали значительныхъ размѣровъ; отчасти путемъ очень удачнаго веденія внѣшней политики, открывавшей широкій просторъ для промышленной дѣятельности буржуазіи; отчасти, наконецъ, путемъ привлеченія на свою сторону состоятельныхъ и вліятельныхъ общественныхъ группъ (буржуазіи, католическаго населенія Германіи, дворянства),—германскому правительству и во вторую половину XIX вѣка, и въ началѣ XX вѣка удавалось избѣгать особенно острыхъ столкновеній съ обществомъ, и послѣ 1848 года германская исторія уже не знаетъ революцій.

Реформы въ Германіи (и Австріи) чаще давались (хотя нерѣдко подъ давленіемъ общества), чѣмъ брались; реформаторы Германіи были больше чиновники, чѣмъ общественные дѣятели. Благодаря этому имъ удалось удержать очень многое изъ пережитковъ старины: въ Германіи (и Австріи) до самой великой войны 1914 года аристократія сохранила значительную часть своихъ старыхъ правъ и привилегій; государственный строй Германіи (и Австріи) является однимъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ, тамъ до сихъ поръ отсутствуетъ отвѣтственность министровъ передъ народными представителями. Послѣднія великія событія поставили передъ германскими государствами настоятельную необходимость серьезныхъ и крупныхъ реформъ во всемъ ихъ общественномъ и государственномъ строѣ. Уже ближай-

шее къ намъ будущее покажетъ, какъ будутъ достигнуты эти реформы: мирнымъ или революціоннымъ путемъ.

Германія въ началѣ XIX в. Передъ революціей Германія была раздроблена на рядъ мелкихъ самостоятельныхъ государствъ, почти ничѣмъ между собою не связанныхъ. Общегерманскія власти—власть императора и союзнаго германскаго сейма—были очень слабы и почти ни въ чемъ не могли проявиться. Каждое изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ было фактически вполнѣ свободно отъ всякаго подчиненія общеимперскимъ властямъ. Во внутреннемъ управленіи всѣ эти государства управлялись самодержавной властью мелкихъ государей (герцоговъ, князей, графовъ, епископовъ и пр.); народ не допускался къ участію въ законодательствѣ и управленіи ни въ какой формѣ, и правительственные чиновники вмѣшивались во всѣ области жизни. Въ концѣ XVIII вѣка въ нѣмецкихъ государствахъ господствовала политика просвѣщеннаго абсолютизма, и многія изъ правительственныхъ мѣръ были направлены на дѣйствительное благо подданныхъ. Но успѣхи революціи напугали нѣмецкихъ государей, и уже въ 90-хъ годахъ началась общая реакція. Главными ея представителями были Францъ II въ Австріи и Фридрихъ-Вильгельмъ II въ Пруссіи. Они вступили въ союзъ съ духовенствомъ и дворянствомъ — главными врагами Фридриха II и Іосифа II. Въ Австріи были стѣснены права протестантовъ, духовенство получило прежнее значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія; тяжесть налоговъ, падавшая при Іосифѣ II въ значительной степени на привилегированныхъ, была возложена на народныя массы, крѣпостное право возстановлено и пр.

Въ Пруссіи въ самомъ началѣ царствованія Фридриха-Вильгельма II были изданы эдикты, отмѣнявшіе

свободу совѣсти и свободу печати. Политическіе вопросы было запрещено подвергать публичному обсужденію. Впавшій въ ханжество король оказался въ рукахъ недобросовѣстныхъ фаворитовъ, опутавшихъ интригой всю государственную жизнь Пруссіи. Война съ французской революціей и съ вольномысліемъ внутри страны, требовавшая частыхъ займовъ и временнаго выпуска бумажныхъ денегъ, разстроила народное благосостояніе въ Австріи и въ Пруссіи и поставила оба эти государства на край финансовой гибели. Позднѣе, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III (1797—1840), народное недовольство господствовавшей разорительной системой управленія еще болѣе усилилось подъ вліяніемъ постоянныхъ пораженій, которыя нѣмцы терпѣли отъ французовъ. На послѣднихъ, приносившихъ въ завоеванныя страны новыя понятія и новыя учрежденія, населеніе нерѣдко смотрѣло какъ на своихъ избавителей и пассивно относилось къ пораженіямъ 1806—1807 г., которыя понесли пруссаки въ борьбѣ съ Наполеономъ и которыя привели ихъ къ позорному Тильзитскому миру. Необходимость искать общественнаго сочувствія въ борьбѣ съ французами и заставила германскія правительства сойти съ пути реакціи и приняться за реформы.

Штейнъ и освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. Раньше всего это было сознано въ Пруссіи. Прусскіе патріоты поняли, что вдохновить страну на борьбу съ иноземнымъ владычествомъ можно только тѣми же средствами, посредствомъ которыхъ сама Франція заняла господствующее положеніе въ Европѣ, т. е. пробужденіемъ общественной самодѣятельности и демократическими преобразованіями. Среди этихъ патріотовъ первыя мѣста принадлежатъ прусскимъ министрамъ: Гарденбергу, Штейну и Шарнгорсту. Штейнъ былъ по

своимъ взглядамъ консерваторъ и врагъ французской революціи. Какъ членъ сословія императорскихъ рыцарей, зависѣвшихъ только отъ императора, онъ съ юныхъ лѣтъ проникся ненавистью къ феодальнымъ князьямъ и началъ свою службу (въ концѣ XVIII вѣка) въ Австріи, которая тогда была представительницей германскаго единства. Но, увидавъ непрочность центральныхъ учрежденій тогдашней Германіи, Штейнъ перешелъ на службу къ Пруссіи. Практическій дѣятель по натурѣ, онъ не сочувствовалъ тѣмъ реформамъ, которыя производятся по указаніямъ отвлеченнаго разума и относился съ большимъ уваженіемъ къ стариннымъ германскимъ учрежденіямъ. Народному представительству онъ хотѣлъ придать значеніе только совѣщательное и преклонялся передъ средневѣковымъ общественнымъ и политическимъ устройствомъ, потому что въ средневѣковомъ сословномъ управленіи онъ видѣлъ проявленіе духа общественной самостоятельности, разрушенной деспотическимъ правленіемъ якобинцевъ и Наполеона.

Уваженіе къ мѣстному самоуправленію, а также заботы о матеріальномъ благосостояніи крестьянства придали дѣятельности Штейна, консерватора по убѣжденіямъ, ярко прогрессивный характеръ. Поставленный во главѣ прусскаго правительства немедленно послѣ разгрома 1807 года, онъ оставался у власти слишкомъ короткое время и провелъ въ жизнь только часть задуманныхъ реформъ. Самоуправленіе ему удалось ввести только въ городахъ, предоставивъ въ нихъ завѣдываніе благотворительностью, школами и отчасти полиціей выборнымъ лицамъ, но ввести земское самоуправленіе въ провинціи, передать избраннымъ должностнымъ лицамъ завѣдываніе областными и сельскими финансами и бла-

гоустройствомъ, а также увѣнчать реформу учрежденіемъ представительнаго собранія для всей страны (но только съ совѣщательнымъ значеніемъ и безъ права вотировать бюджетъ) онъ не успѣлъ, хотя и стремился къ этому.

Гораздо важнѣе было законодательство Штейна, касавшееся крестьянъ. Эдиктомъ 9 октября 1807 г., составленнымъ Штейномъ, въ Пруссіи было уничтожено крѣпостное состояніе. Всѣ крестьяне въ предѣлахъ прусскаго королевства объявлялись свободными: одни (наслѣдственно пользовавшіеся своими участками) немедленно, всѣ остальные черезъ два года и 1 мѣсяцъ; къ владѣнію рыцарскими помѣстьями, которое до того времени было разрѣшено только дворянамъ, были допущены и бюргеры (допущеніе свободнаго перехода земли изъ рукъ въ руки было явно навѣяно ученіемъ физіократовъ). Но вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею эдиктъ 9 октября оставлялъ нерѣшеннымъ. До него вся крестьянская земля считалась собственностью помѣщиковъ или государства, но большая часть ея находилась не въ помѣщичьемъ, а въ крестьянскомъ пользованіи на разныхъ правахъ,—наслѣдственномъ, пожизненномъ или срочномъ. Съ пользованіемъ землей былъ связанъ цѣлый рядъ повинностей въ пользу помѣщика. Въ XVIII вѣкѣ въ Германіи, какъ и всюду, помѣщики стали стремиться къ расширенію площади собственной запашки. Тяжелыя для крестьянъ условія семилѣтней войны и наполеоновскихъ походовъ, во время которыхъ крестьянскія хозяйства разорялись и крестьяне покидали свои земли вслѣдствіе невозможности вести самостоятельно хозяйство, особенно способствовали «округленію» дворянскихъ фольварковъ (имѣній).

Но въ Пруссіи крестьянское обезземеленье не пошло

такъ далеко, какъ въ Англіи, благодаря правительственной политикѣ, направленной къ охранѣ мужика и запрещавшей сгонять съ земли крестьянъ, хотя помѣщики и отстаивали свое право безпрепятственно обращать крестьянскую землю въ фольварочную (помѣщичью) и хотѣли оставить за крестьянами только маленькія усадьбы съ огородами, чтобы прикрѣпить ихъ къ землѣ и имѣть въ ихъ лицѣ армію наемныхъ сельскихъ батраковъ. Страннымъ образомъ стремленія помѣщиковъ находили себѣ сочувствіе въ лицѣ тогдашнихъ либераловъ, приверженцевъ экономическаго ученія физіократовъ; основываясь на принципѣ экономической свободы, они требовали, чтобы правительство отказалось отъ покровительства крестьянамъ и дало право помѣщикамъ устраивать ихъ частныя дѣла по ихъ желанію *).

Штейнъ былъ сторонникомъ прежней правительственной политики въ земельномъ вопросѣ и настаивалъ на продолженіи охраны мужика и послѣ освобожденія крестьянъ. Но онъ оставался у власти слишкомъ недолго. Послѣ его отставки (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при немъ) лишь государственные (дворцовые) крестьяне получили въ полную собственность ту землю, которая раньше у нихъ была только въ пользованіи. Именно эдиктомъ отъ 27 іюля 1808 г. дворцовымъ крестьянамъ предоставлялось право полной собственности на ту землю, на которой они сидѣли, и права полной личной свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ они лишались пособій отъ казны, денежной субсидіи въ случаѣ неурожая, сложенія податей, безвозмезднаго пользованія лѣсомъ и т. п.

*) Въ душѣ они даже сочувствовали переходу отъ мелкаго крестьянскаго къ крупному помѣщичьему землевладѣнію, полагая, что помѣщики лучше сумѣютъ поднять производительную силу земли, чѣмъ нерадивые крестьяне.

Зато другія крестьянскія земли все болѣе и болѣе предоставлялись на произволъ помѣщиковъ; рядомъ указовъ охрана крестьянскаго землевладѣнія ограничивалась; особенное значеніе при этомъ имѣли законы 1811 и 1816 гг., которые для значительной части крестьянскихъ земель задержали выкупъ повинностей на долгое время (до 1850 г.) и развязали руки помѣщикамъ по отношенію къ крестьянскимъ землямъ. Помѣщики все болѣе стали округлять свои владѣнія посредствомъ пріобрѣтенія крестьянскихъ участковъ; въ лицѣ обезземелившихся крестьянъ они получали въ свое распоряженіе классъ сельскихъ рабочихъ. Уцѣлѣвшіе крестьянскіе участки стали меньше, и доходы ихъ сократились вслѣдствіе необходимости выплачивать выкупъ за уничтоженіе повинностей или за переходъ земли въ полную крестьянскую собственность. Да и личное освобожденіе крестьянъ было неполнымъ, потому что за помѣщиками были сохранены судебныя и политическія права надъ крестьянами (вотчинная юстиція и полиція).

Гарденбергъ и Шарнгорстъ. Другой прусскій реформаторъ, князь Гарденбергъ, вскорѣ послѣ отставки Штейна ставшій во главѣ прусскаго правительства, былъ по своимъ взглядамъ полною противоположностью Штейну. Онъ былъ пропитанъ идеями французской революціи, горячо отстаивалъ свободу во всѣхъ областяхъ экономической жизни — слѣдовательно, долженъ былъ явиться противникомъ охраны мужика *) и былъ ревностнымъ сторонникомъ идей народнаго представительства, съ самыми широкими полномочіями. Но какъ и большинство дѣятелей французской

*) Подъ его вліяніемъ былъ изданъ законъ 1811 г., въ значительной степени упразднившій охрану мужика.

революціи, Гарденбергъ не вѣрилъ въ самодѣятельность общества и поэтому главное свое вниманіе обращалъ на правительственное воздѣйствіе, на централизованное по наполеоновскому образцу управленіе. Поэтому и реформа мѣстнаго самоуправленія не имѣла въ его глазахъ того значенія, какое ей придавалъ Штейнъ. Онъ болѣе думалъ о введеніи національнаго представительства, чѣмъ о развитіи общественной самостоятельности на мѣстахъ.

Но Гарденбергу такъ же, какъ и Штейну, удалось осуществить немногое. Ему пришлось столкнуться съ сильнымъ дворянскимъ и бюрократическимъ противодѣйствіемъ, поддерживаемымъ самимъ королемъ. Единственная крупная реформа, которую удалось осуществить Гарденбергу, это—разрѣшеніе всѣмъ желающимъ заниматься ремеслами и торговлею, подъ единственнымъ условіемъ уплаты извѣстнаго промысловаго налога, и передача большинства правъ цеховъ полицейской власти (1810—11 г.). Этими реформами въ Пруссіи въ сущности упразднялись привелегіи цеховъ, потому что принадлежность къ нимъ теперь не давала никакихъ новыхъ правъ. Но всѣ другіе проекты Гарденберга остались неисполненными. Обѣщаніе народнаго представительства Фридрихомъ-Вильгельмомъ III было забыто (представительный образъ правленія Пруссія получила только въ 1848 г.). Уничтожить дворянскія привилегіи и уравнять всѣхъ гражданъ въ отбываніи ими своихъ обязанностей по отношенію къ государству ему не удалось. Пруссія и послѣ Гарденберга оставалась сословнымъ и бюрократическимъ государствомъ.

Гораздо успѣшнѣе была дѣятельность третьяго прусскаго государственнаго дѣятеля, генерала Шарнгорста. Ему принадлежитъ заслуга преобразованія прусской

арміи, недостатки которой стали особенно очевидны послѣ пораженія 1806 г. Вмѣсто прежней системы составленія арміи—вербовкой охотниковъ и подборомъ выносливыхъ рекрутовъ—была введена всеобщая воинская повинность, которой подлежали всѣ граждане безъ различія сословій. Тяжелыя условія Тильзитскаго мира, по которому прусская армія не должна была превышать 42 тысячъ человѣкъ, были обойдены тѣмъ, что солдаты набирались на короткое время, наскоро обучались и отправлялись домой съ зачисленіемъ въ ополченіе (ландверъ). Въ случаѣ войны почти вся страна могла быть призвана подъ ружье. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой реформы было то, что въ войнѣ за освобожденіе 1813 года прусская армія боролась съ французами съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше.

Отъ всѣхъ этихъ реформъ болѣе всего выиграла буржуазія. Уничтоженіе цеховъ открыло ей широкое поле промышленной дѣятельности; право пріобрѣтать дворянскія имѣнія и занимать мѣста на военной службѣ возвысило ея общественное положеніе. Дворяне (юнкерство) съ отмѣной крѣпостного права потеряли немного, ибо были вознаграждены возможностью скупать крестьянскую землю. Зато для крестьянъ пріобрѣтеніе личной свободы сопровождалось гибельнымъ слѣдствіемъ—обезземеленьемъ.

Освободительныя войны. Тѣмъ не менѣе эта реформа подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на прусское общество. Освобожденное крестьянство, получившее самоуправленіе, и освобожденное отъ цеховыхъ путъ бюргерство—это были новыя силы, которыхъ не знала старая Германія. Въ старыхъ нѣмецкихъ порядкахъ были сдѣланы этимъ значительныя трещины, и, воспользовавшись этимъ, прогрессивныя силы нѣмецка-

го общества пришли въ движеніе. Въ 1808 г. въ Кенигсбергѣ было основано тайное общество «Союзъ Добродѣтели», членами котораго оказалось нѣсколько видныхъ генераловъ нѣмецкой арміи. Тайныя общества стали возникать и въ другихъ мѣстахъ Германіи; членами ихъ были и студенты, и офицеры, и крестьяне, и видные общественные дѣятели. Въ этихъ обществахъ обсуждались вопросы о томъ, какъ вывести Германію изъ ея унизительнаго порабощенія Наполеономъ, и о томъ, какъ вообще улучшить жизнь нѣмцевъ. Правительство охотно давало почти полную свободу этимъ обществамъ, потому что надѣялось, воспользовавшись народнымъ возбужденіемъ, скорѣе осилить французовъ и снова сдѣлать германскія государства независимыми отъ Наполеона. Эти надежды не обманули правительство. Когда весной 1813 г. армія прусскаго короля соединилась съ русскими войсками для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Наполеона, то члены тайныхъ обществъ, профессора (Фихте, Шлейермахеръ) и поэты (Кернеръ, Арндтъ, Клейстъ) сумѣли вдохнуть въ солдатъ то воодушевленіе и военный пылъ, котораго имъ раньше болѣе всего не хватало. Подъ вліяніемъ общественнаго возбужденія и Австрія уже въ августѣ 1813 г. примкнула къ европейской коалиціи противъ Наполеона. Война, которую вели теперь нѣмецкія государства противъ Наполеона, была болѣе войною народовъ, чѣмъ правительствъ. Въ скоромъ времени Наполеонъ былъ разбитъ, и нѣмецкія державы получили полное вознагражденіе за униженія прежняго времени, когда Наполеонъ былъ всесиленъ. Въ эту эру правительственнаго довѣрія къ подданнымъ австрійскій императоръ Францъ не могъ удержаться отъ признанія, что «и народы кое-что значатъ». А прусскій король около того же времени долженъ

былъ издать манифестъ (отъ 17 марта 1813 г.), въ которомъ обѣщалъ «свободу и права всѣмъ сословіямъ и право голоса во внутреннихъ дѣлахъ государства». Это обѣщаніе «внутренней свободы» затѣмъ было повторено въ знаменитомъ указѣ отъ 22 мая 1815 г., въ которомъ король уже прямо говорилъ о конституціи.

Вѣнскій конгрессъ. Для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ измѣненіемъ международныхъ отношеній послѣ паденія Наполеона, въ Вѣнѣ собрался конгрессъ всѣхъ европейскихъ державъ (1814-15 г. г.). Члены конгресса выставляли себя сторонниками легитимизма, т.-е. правъ законныхъ династій, низвергнутыхъ Наполеономъ I. Поэтому они лишили троновъ всѣхъ государей, возведенныхъ на престолъ Наполеономъ, и свели размѣры Франціи къ территоріи, которую она занимала до своихъ завоеваній. Но въ дѣйствительности конгрессъ и не могъ, и не хотѣлъ возвратить прежнимъ законнымъ династіямъ ихъ владѣнія. Дѣятели конгресса руководились при передѣлкѣ политической карты Европы не столько легитимистическими соображеніями, сколько желаніемъ вознаградить государей, особенно содѣйствовавшихъ низложенію Наполеона, и поддержать политическое равновѣсіе между наиболѣе крупными европейскими государствами, не давая ни одному изъ нихъ возможности усилиться на счетъ другихъ. При этомъ особенно выиграли: Россія, удержавшая всѣ свои завоеванія—Бессарабію, Финляндію и Польшу,—Англія, сохранившая Мальту и Іоническіе острова,—Пруссія, получившая Познань, часть Саксоніи и большую область на Рейнѣ,—Австрія, которой отдали Тироль, Зальцбургъ, Ломбардію съ Венеціей и Далмацію. Усилено было также королевство Сардинское присоединіемъ къ нему Савойи и Генуи.

Бельгія и Голландія были соединены въ одно королевство Нидерландское. При такомъ дѣлежѣ особенно должны были пострадать національныя права, такъ какъ многія народности были раздѣлены между нѣсколькими государствами (поляки, итальянцы), а другія были насильственно соединены (напр., Бельгія и Голландія, Ломбардія и Венеція съ Австріей и т. п.).

Устройство Германіи послѣ Вѣнскаго конгресса. По устройству, данному Германіи на Вѣнскомъ конгрессѣ, она была раздѣлена на 30 крупныхъ владѣній (вмѣсто прежнихъ 360 мелкихъ территорій), изъ которыхъ былъ образованъ Германскій Союзъ. Цѣлью союза было охраненіе Германіи отъ иностранныхъ нашествій и сохраненіе мирныхъ отношеній между отдѣльными частями союза. Каждое государство, входившее въ составъ этого союза, было совершенно самостоятельно въ рѣшеніи всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Единственнымъ союзнымъ органомъ (кромѣ императора) было союзное собраніе, собиравшееся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Оно состояло изъ делегатовъ отъ правительствъ, а не изъ выборныхъ отъ населенія, и не имѣло ничего общаго съ обще-германскимъ національнымъ представительствомъ, на введеніи котораго настаивали нѣмецкіе либералы. Дѣятельность «союзнаго собранія» была почти совершенно парализована требованіемъ единогласнаго рѣшенія по всѣмъ вопросамъ. Предсѣдателемъ «союзнаго собранія» былъ делегатъ австрійскаго правительства, и вообще Австрія получила преобладающее вліяніе на дѣятельность Германскаго Союза.

Послѣ паденія Наполеона Австрія стала оплотомъ реакціи. Составленная изъ многихъ національностей, она боялась всякаго движенія среди своего разноплеменнаго населенія. Всякое національное движеніе, исходившее

изъ глубины народной жизни и связанное съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, принимало тогда неизбѣжно либеральный характеръ и проникалось конституціонными стремленіями, и только внѣшнее принужденіе могло еще удержать въ предѣлахъ одного государства всѣ разнообразныя австрійскія народности. Поэтому пробужденіе національныхъ стремленій было для Австріи особенно опасно. Разнообразіе племеннного состава заставляло Австрію противиться прогрессивнымъ движеніямъ и въ другихъ странахъ, потому что австрійскіе поляки и итальянцы могли быть затронуты броженіемъ въ Польшѣ или Италіи.

Хранителемъ обще-европейской реакціи былъ основанный Александромъ I Священный Союзъ. Это былъ союзъ крупнѣйшихъ христіанскихъ государей Европы, преслѣдовавшій главнымъ образомъ двѣ цѣли: 1) охрану самодержавныхъ правъ европейскихъ государей и совмѣстное подавленіе вооруженной силой революціонныхъ народныхъ движеній; 2) поддержаніе международнаго мира. Союзъ получилъ названіе Священнаго потому, что основатели старались придать ему религіозный характеръ и смотрѣли на государей, какъ на выразителей божественной воли на землѣ. Вождемъ и внутренней и внѣшней реакціонной политики сталъ австрійскій канцлеръ, князь Меттернихъ. Главной цѣлью его дѣятельности было искорененіе повсюду либеральныхъ стремленій и сохраненіе существующихъ порядковъ во всей ихъ неприкосновенности. Онъ былъ до фанатизма преданъ идеѣ порядка и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нигдѣ въ Европѣ не появилось и тѣни революціоннаго духа.

Либерализмъ и студенческое движеніе. Наиболѣе либеральное устройство въ Германіи полу-

чили южныя государства. Ихъ государи дали имъ писанныя конституціи съ правомъ вотировать налоги и законы. Но министры попрежнему избирались государями, и право предложенія законовъ (законодательная инціатива) принадлежала только государямъ. Боясь за цѣлость своихъ молодыхъ конституцій, южныя государства чуждались Пруссіи и Австріи, гдѣ абсолютизмъ господствовалъ всецѣло; и такъ какъ объединеніе Германіи могло совершиться только подъ главенствомъ Австріи или Пруссіи, то либералы южныхъ государствъ въ силу вещей стали равнодушно или даже враждебно относиться къ объединительнымъ стремленіямъ. Такимъ образомъ на югѣ либерализмъ—движеніе, направленное къ политической свободѣ—сталъ расходиться съ національнымъ движеніемъ, направленнымъ къ общегерманскому единству. Тогда среди нѣмецкаго студенчества возникло движеніе, которое стремилось примирить національную идею съ желаніями либераловъ.

Нѣмецкое студенчество того времени, подобно либераламъ сѣверо-германскихъ государствъ, отличалось отъ либераловъ XVIII столѣтія тѣмъ, что усвоило себѣ двѣ новыя, чуждыя предшествовавшему вѣку черты: уваженіе къ историческому прошлому и уваженіе къ правамъ отдѣльныхъ національностей. Эти двѣ черты были свойственны въ то время либераламъ большинства европейскихъ государствъ (кромѣ юга Германіи). Поэтому-то большинство національныхъ движеній въ Европѣ носило либеральный характеръ. Національное движеніе особенно сильно проявилось въ Германіи. Оно было сначала (въ эпоху борьбы съ Наполеономъ) направлено противъ иноземнаго французскаго господства, а затѣмъ, когда французы были изгнаны изъ страны,—про-

БИБЛІОТЕКА ... ГОСУНИВЕРСИТЕТА

тивъ феодальнаго раздробленія Германіи. Мысль о необходимости объединенія Германіи была сознана еще во время борьбы съ Наполеономъ (освободительной войны), обязанной своимъ успѣхомъ соединенному дѣйствію главнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ. Теперь оно съ особенной силой сказалось среди нѣмецкаго студенчества, принявъ въ его средѣ радикальный, даже революціонный характеръ.

Во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка среди нѣмецкихъ студентовъ (и главнымъ образомъ въ городѣ Іенѣ, гдѣ тогда правилъ либеральный покровитель Гете и Шиллера, великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій) стали возникать общества (буршеншафты), которыя стремились придать студенческой жизни серьезный характеръ, привить студентамъ научные и религіозные интересы и воспитать въ нихъ самоотверженную любовь къ родинѣ. Въ нѣкоторой связи съ этими студенческими обществами стояли гимнастическіе союзы, вызванные къ жизни Яномъ. Онъ проповѣдовалъ, что здоровый духъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ, и думалъ пробудить въ юношахъ здоровый нѣмецкій патріотизмъ и воспитать въ нихъ національныя чувства, главнымъ образомъ съ помощью гимнастическаго образованія. Въ туманномъ либерализмѣ студенческихъ обществъ и въ нѣсколько грубомъ національнизмѣ гимнастическихъ союзовъ было очень мало политически опаснаго, но германскія правительства во главѣ съ Меттернихомъ боялись всего, что нарушало спокойный сонъ ихъ подданныхъ, и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы раздуть студенческое движеніе и представить его въ опасномъ видѣ.

Въ 1817 году Германія праздновала трехсотлѣтній юбилей Реформаціи. 18 октября въ замокъ Вартбургъ,

гдѣ триста лѣтъ назадъ жилъ Лютеръ, собралось около 500 студентовъ, нѣсколько либеральныхъ профессоровъ и журналистовъ. Здѣсь говорились либеральныя рѣчи, пѣлись революціонныя пѣсни, а по окончаніи празднествъ на кострѣ были сожжены нѣкоторыя реакціонныя сочиненія. Реакціонная печать забила въ набатъ по поводу вартбургскаго празднества и представила всю Германію охваченной революціоннымъ пожаромъ. Отвѣтственность за все взваливалась на нѣмецкіе университеты. Реакціонеры еще болѣе встревожились, когда одинъ членъ небольшого революціоннаго кружка «безусловныхъ», Карлъ Зандъ, убилъ состоявшаго на русской службѣ нѣмецкаго консерватора, писателя Коцебу, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. Зандъ былъ студентомъ, и это дало поводъ Меттерниху предложить всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ принять строгія мѣры противъ университетовъ и печати.

Карлсбадскія постановленія и начало реакціи. Делегаты отъ правительствъ, собравшіеся въ Карлсбадѣ, выработали такъ называемыя карлсбадскія постановленія, которыя предлагали распустить студенческіе буршеншафты, установить строгій надзоръ за студентами и профессорами, учредить предварительную цензуру для газетъ и брошюръ.

Для полнаго торжества реакціи Меттерниху оставалось сломить оппозицію южно-нѣмецкихъ государствъ и сдѣлать союзное собраніе послушнымъ орудіемъ вѣнскаго правительства; и того и другого ему удалось достичь, добившись смѣны наиболѣе либеральныхъ уполномоченныхъ въ союзномъ собраніи. Съ особенной силой было захвачено реакціей прусское правительство. Несмотря на повторенное въ 1815 году обѣщаніе дать прусскому народу писанную конституцію и назначеніе осо-

бой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Гарденберга для выработки новаго государственнаго строя, правительство продолжало запрещать либеральныя книги и преслѣдовать людей съ либеральнымъ образомъ мыслей. Когда же, наконецъ, въ 1823 году были учреждены правительствомъ ландтаги (земскія собранія) для каждой провинціи, то они менѣе всего походили на конституціонныя учрежденія. Каждое сословіе (дворяне, горожане, крестьяне) выбирали туда депутатовъ отдѣльно. На долю дворянъ въ ландтагахъ падало около половины общаго числа членовъ, на долю горожанъ около трети, на долю крестьянъ около четверти. Ландтаги обладали совѣщательнымъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ и рѣшающимъ голосомъ (при условіи королевскаго утвержденія); однако законодательныя права ландтаговъ были ограничены предѣлами только отдѣльныхъ областей. Въ учрежденіи этихъ ландтаговъ король и приглашалъ своихъ подданныхъ видѣть осуществленіе обѣщанія національнаго представительства. Въ дѣйствительности же для Пруссіи со времени ихъ учрежденія началась классическая пора бюрократизма.

Политическій строй того времени нашелъ себѣ оправданіе въ философіи берлинскаго профессора Гегеля. Онъ училъ, что все существующее какъ разъ таково, какимъ оно должно быть, а потому и разумно. Такой взглядъ способствовалъ спокойному отношенію къ жизни и терпѣливому перенесенію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ. Нельзя возмущаться историческими явленіями, какъ бы несправедливы они ни были на человѣческій взглядъ: ими руководитъ разумъ высшій, чѣмъ умъ человѣка,— «разумъ всемірнаго духа». Касаясь политическихъ вопросовъ, Гегель выше всего ставилъ государство, и именно въ той формѣ, въ какую оно вылилось въ современной

ему Пруссіи. Государство, подчиняющее себѣ личную свободу отдѣльныхъ гражданъ во имя блага цѣлаго, было «земнымъ богомъ его философіи». Полицейскіе порядки въ Пруссіи и въ Наполеоновской имперіи, при которыхъ органы государства имѣли громадную власть и вмѣшивались въ частную жизнь гражданъ, были для Гегеля идеальными. Къ идеѣ же національнаго представительства Гегель относился не особенно одобрительно, думая, что народъ менѣе всего знаетъ, чего онъ хочетъ.

Но въ философіи Гегеля была и другая сторона. Онъ училъ, что въ исторіи нѣтъ застоя, и міровой разумъ непрерывно идетъ впередъ. Идея свободы, развитіе которой составляетъ настоящее содержаніе исторіи, осуществляется все полнѣе и сознается все яснѣе. Съ этой точки зрѣнія и современная прусская государственность являлась только переходной исторической формой.

Реакція 20-хъ и 30-хъ годовъ въ Германіи. Общественное возбужденіе, которое обнаружилось въ Германіи въ эпоху освободительныхъ войнъ, носило не особенно глубокій характеръ. Оно было вызвано исключительнымъ явленіемъ—порабощеніемъ Германіи Наполеономъ, и съ его изгнаніемъ затихло. Въ 20-хъ годахъ въ Германіи снова наступила глухая реакція. Общественная жизнь тамъ совершенно замерла, и населеніе было лишено всякой возможности доводить о своихъ желаніяхъ до свѣдѣнія правительства. Наиболѣе живые люди покидали Германію (напримѣръ, Гейне и Берне) и уѣзжали въ Парижъ, куда вообще стекались политическіе эмигранты изъ разныхъ странъ. Общій тонъ политической жизни задавало выдрессированное и педантически аккуратное чиновничество. Въ чиновничество уходили самыя дѣятельныя силы націи, потому что только служба открывала тогда возмож-

ность общественной дѣятельности. Бюрократія замкнулась во властную и гордую корпорацію, съ презрѣніемъ смотрѣвшую на все остальное общество. «Мѣропріятія правительства выше ограниченнаго разумѣнія подданныхъ»,—сказалъ однажды одинъ изъ прусскихъ министровъ.

Первый ударъ германской реакціи нанесла французская революція 1830 г. Подъ вліяніемъ извѣстій о іюльской революціи, въ сѣверныхъ нѣмецкихъ государствахъ—въ Брауншвейгѣ, Кургесеннѣ, Саксоніи, Ганноверѣ и др.—произошли революціонныя движенія, приведшія къ установленію въ этихъ государствахъ конституціоннаго строя; въ южныхъ государствахъ, которыя уже имѣли конституцію, оживилась дѣятельность либеральныхъ партій въ парламентахъ. Но правительства скоро оправились. По иниціативѣ Меттерниха въ Вѣнѣ съѣхались министры наиболѣе значительныхъ государствъ и постановили принять рядъ новыхъ репрессивныхъ мѣръ противъ печати, университетовъ и представительныхъ собраній. Реакція усилилась еще болѣе.

Реакцію тридцатыхъ годовъ въ Германіи надо отличать отъ реакціи тѣхъ же годовъ во Франціи. Во Франціи реакція въ это время имѣла буржуазный характеръ и направлена была главнымъ образомъ противъ демократическихъ движеній съ соціалистическимъ оттѣнкомъ,—на основы конституціоннаго строя эта реакція не покушалась; наоборотъ, эпоха іюльской монархіи во Франціи была временемъ полнаго укрѣпленія парламентскаго порядка. Въ Германіи въ это время соціальный вопросъ еще не ставился, демократическіе классы еще не пришли къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и не высказывали требованій, которыя должны бы были улучшить ихъ экономическое положеніе. Поэтому оппо-

зиція реакціоннымъ правительствамъ здѣсь выражалась главнымъ образомъ въ отстаиваніи политической свободы и въ требованіи конституціоннаго (въ крайнихъ случаяхъ—республиканскаго) строя. Вслѣдствіе этого въ глазахъ клерикальныхъ, аристократическихъ и самодержавныхъ правительствъ германскихъ государствъ установленіе въ нихъ буржуазныхъ и конституціонныхъ порядковъ, подобныхъ тѣмъ, которые существовали во Франціи при Луи-Филиппѣ, означало бы самую рѣшительную революцію.

Таможенный союзъ и Фридрихъ Листъ. Политической реакціи соотвѣтствовало и слабое развитіе промышленности въ Германіи. Въ тридцатыхъ годахъ здѣсь не было еще ни крупныхъ фабрикъ, ни машинъ; мелкая ремесленная и кустарная промышленность имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ крупной; фабричныхъ рабочихъ было очень мало. Развитію промышленности и торговли особенно мѣшало существованіе таможенныхъ границъ внутри самой Германіи, между отдѣльными нѣмецкими государствами. Поэтому уже съ 20-хъ годовъ отдѣльныя нѣмецкія государства стали между собой вступать въ частные таможенные союзы. Объ устройствѣ общаго таможеннаго союза особенно хлопотала Пруссія, и по ея почину въ 1834 году большая часть нѣмецкихъ государствъ рѣшила уничтожать таможенныя границы между своими владѣніями. Къ этому союзу постепенно примкнули всѣ другія германскія государства, кромѣ Австріи. Устройствомъ таможеннаго общегерманскаго союза былъ сдѣланъ первый шагъ по пути къ національному объединенію Германіи: главными противниками таможенныхъ границъ были представители торгово-промышленной буржазіи, экономическіе интересы которой прежде всего задѣвались таможеннымъ раздро-

ненiемъ Германiи; поэтому таможенное объединенiе Германiи было первымъ крупнымъ успѣхомъ буржуазiи.

Въ наукѣ защитникомъ интересовъ буржуазiи въ это время выступилъ вюртембергскiй профессоръ Фридрихъ Листъ. Главнымъ принципомъ экономическаго ученiя Листа являлась защита интересовъ нацiи. Въ противоположность Адаму Смиту, который считался только съ индивидуальными хозяйствами и ихъ совокупностью—хозяйствомъ мiровымъ, Листъ доказывалъ, что только нацiя представляетъ собой живой организмъ, и что на развитiе только нацiональнаго хозяйства должна быть направлена экономическая политика правительствъ. Листъ являлся противникомъ и космополитизма (защита общечеловѣческихъ правъ) и индивидуализма (защита личныхъ правъ); главной чертой его ученiя былъ нацiонализмъ (защита правъ нацiи). Первой задачей всякаго правительства должна быть забота о развитiи производительныхъ силъ нацiи,—главнымъ образомъ промышленности; она больше всего содѣйствуетъ и политическому могуществу и экономической силѣ нацiи, потому что страна съ развитой промышленностью и экономически, и политически независима отъ другихъ странъ. Главнымъ средствомъ для развитiя промышленности Листъ считалъ разумную таможенную политику; при этомъ для поднятiя современной ему нѣмецкой промышленности онъ усиленно рекомендовалъ ввести таможенныя пошлины и отказаться отъ принципа свободной торговли.

Радикализмъ и соцiализмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Наряду съ идеями, защищавшими интересы буржуазiи, въ Германiи появились въ 30-хъ и 40-хъ годахъ и другiя умственныя движенiя, построенныя на отрицанiи всѣхъ господствующихъ до того времени порядковъ.

Одно изъ этихъ движеній, извѣстное подъ именемъ «Молодой Германіи», примыкало къ космополитической «Молодой Европѣ»; его главными дѣятелями были писатели Берне и Гейне, отстаивавшіе права человѣческой личности и относившіеся съ глубокимъ презрѣніемъ и къ узкому коммерческому духу нѣмецкой буржуазіи, и къ клерикальному абсолютизму, утвердившемуся въ то время въ Австріи и другихъ нѣмецкихъ странахъ. Дѣятели «Молодой Германіи» преклонялись передъ французской революціей и горячо ратовали за освобожденіе народа; но въ чемъ должно заключаться это освобожденіе, они представляли себѣ неясно. Къ соціальнымъ движеніямъ нѣкоторые изъ нихъ относились прямо несочувственно, боясь, что господство демократіи можетъ повредить красотѣ жизни и всей новѣйшей цивилизаціи съ ея поэзіей и искусствами.

Другое радикальное движеніе того времени примыкало къ философіи Гегеля. Въ философіи Гегеля были двѣ стороны: съ одной стороны, обоготвореніе Гегелемъ государства и преклоненіе его передъ современной ему прусской государственностью было на руку реакціонерамъ; съ другой—ученіе о вѣчномъ, безостановочномъ движеніи «мірового духа» оправдывало революціонныя движенія тѣхъ, кто не хотѣлъ мириться съ современной дѣйствительностью и смотрѣлъ на нее, какъ на уже пережитую ступень исторіи. Вслѣдствіе такой двухсторонности ученія Гегеля его послѣдователи раздѣлились на правыхъ и лѣвыхъ.

Изъ лѣвыхъ гегельянцевъ особенно выдѣлился Карлъ Марксъ. Въ 40-хъ годахъ въ Парижѣ онъ ревностно изучалъ сочиненія всѣхъ выдающихся экономистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ. Въ противоположность другимъ гегельянцамъ, его интересовали главнымъ обра-

зомъ вопросы общественной жизни; къ изученію этихъ вопросовъ онъ и рѣшилъ примѣнить гегельянскій принципъ развитія. Но, признавая, что человѣческое общество подлежитъ вѣчному, безостановочному развитію, Марксъ положилъ въ основу этого развитія иное начало. Въ его глазахъ двигателемъ общественной жизни является не саморазвивающаяся идея, а матеріальный интересъ. Это приводило Маркса къ отрицанію разумности въ исторіи: онъ признавалъ необходимость каждой ступени развитія, но эта необходимость въ его глазахъ не могла быть разумной, ибо творцомъ исторіи у него была не разумная сила (какъ у Гегеля), а эгоистическій интересъ, не имѣющій ничего общаго съ разумностью.

Общій планъ общественнаго развитія Марксъ нарисовалъ въ «Коммунистическомъ манифестѣ», написанномъ имъ въ 1848 г., въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ, по порученію собравшихся въ Лондонѣ на съѣздъ соціалистовъ. Въ этомъ сочиненіи доказывалось, что «исторія всѣхъ донынѣ существующихъ обществъ есть исторія борьбы классовъ». Ходъ мыслей «Манифеста» таковъ. Въ послѣднее время съ необычайной рѣзкостью выступила противоположность двухъ основныхъ классовъ —буржуазіи и пролетаріата. Между интересами этихъ двухъ господствующихъ классовъ не можетъ быть никакого примиренія, и отношенія между ними всегда были и будутъ враждебными. Борьба классовъ—основной фактъ человѣческой исторіи, имѣвшей мѣсто вездѣ, но въ послѣднее время эта борьба достигла крайняго обостренія. Рабочіе съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ спускаются на все болѣе и болѣе низкій уровень существованія; прибыль капиталистовъ, вытѣсняющихъ мелкое производство и сосредоточивающихъ в

своихъ рукахъ все большіе капиталы, возрастаетъ съ ужасающей быстротой. Но въ то время, какъ число капиталистовъ, вытѣсняющихъ своихъ же собратій, все уменьшается,—число рабочихъ непрерывно возрастаетъ. Большія массы ихъ сосредоточиваются на громадныхъ фабрикахъ, и рабочіе, проводя значительную часть времени вмѣстѣ за работой, становящейся все болѣе однородной, усваиваютъ себѣ мысль объ общности своихъ интересовъ, проникаются сознаніемъ классовой солидарности. Они начинаютъ соединяться въ союзы и ассоціаціи, и эта могучая организація рабочаго класса скоро дастъ ему возможность заговорить властнымъ тономъ съ буржуазіей; недалеко то время, когда въ рукахъ рабочихъ окажется и политическая власть,—и буржуазія, вырывшая сама для себя могилу, должна будетъ сойти со сцены и уступить свои капиталы, фабрики и машины классу рабочихъ. Тогда уничтожится и классовая борьба, потому что у власти будетъ стоять весь трудящійся народъ, среди котораго уже не будетъ раздѣленія на имущихъ и неимущихъ. Этотъ общій ходъ экономическаго развитія, по мнѣнію Маркса, обязателенъ для всѣхъ странъ; національнымъ особенностямъ отдѣльныхъ народовъ Марксъ не придавалъ большого значенія, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ космополитомъ. «Коммунистическій манифестъ» заканчивался чисто космополитическимъ призывомъ: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Соціалистическая проповѣдь Маркса упала на мало подготовленную почву. Германія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ по своему экономическому развитію стояла еще далеко позади Англіи и Франціи. Дворянство здѣсь продолжало играть въ общественной жизни большее значеніе, чѣмъ буржуазія; крупная промыш

ленность еще только зарождалась, въ цехахъ числилось почти въ полтора раза больше мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, чѣмъ рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ. Городское простонародье, жившее подъ гнетомъ административныхъ и судебныхъ властей, было разрознено (въ силу преобладанія мелкаго ремесла надъ крупной промышленностью) и мало развито. Въ серединѣ 40-хъ годовъ среди рабочихъ стало происходить нѣкоторое движеніе, но это движеніе носило реакціонный характеръ и было направлено противъ машиннаго производства. Машины, лишавшія рабочихъ прежнихъ заработковъ и понижавшія ихъ заработную плату, уже давно вызывали противъ себя раздраженіе рабочихъ. Въ 1844 г. силезскіе ткачи, доведенные низкой заработной платой и безработицей до отчаянія, стали ломать машины, громить фабричныя зданія и истреблять конторскія книги. Въ томъ же году произошли серьезные рабочіе безпорядки и среди чешскихъ прядильщиковъ, также сопровождавшіеся разгромомъ фабричныхъ зданій и машинъ. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ стали происходить частыя волненія, вызванныя недостаткомъ и дороговизной пищи (напримѣръ, картофельная война въ Берлинѣ въ 1847 г.). Правительство отвѣчало на волненія городского простонародья суровыми репрессивными мѣрами; но буржуазія, недовольная правительствомъ за устраненіе ея отъ политической жизни, оправдывала народныя волненія и видѣла въ нихъ доказательство неспособности правительства и привилегированныхъ управлять страной. Для Германіи еще не наступило время борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ, и оба эти класса, какъ во Франціи въ эпоху Великой Революціи, дѣйствовали совмѣстно.

Революція 1848 года въ Пруссіи. Въ 1840 г.

кончилось 43-лѣтнее царствованіе Фридриха Вильгельма III, и на прусской престолъ вступилъ Фридрихъ Вильгельмъ IV. Романтическій поклонникъ средневѣковыхъ идеаловъ, онъ имѣлъ преувеличенное понятіе о королевскомъ достоинствѣ, былъ убѣжденнымъ абсолютистомъ и считалъ своимъ долгомъ поддерживать средневѣковой сословный строй старой Пруссіи. Когда появилось нѣсколько брошюръ, высказывавшихся за необходимость введенія конституціи, король отвѣтилъ на это суровыми репрессіями противъ печати, а также и противъ университетовъ, которые онъ заподозрѣлъ въ либерализмѣ. Особеннымъ преслѣдованіямъ подвергались лѣвые гегельянцы.

Но когда королю понадобилось заключить государственный заемъ для проведенія одной желѣзнодорожной линіи, онъ созвалъ (1847 г.) Соединенный Ландтагъ, составленный изъ депутатовъ всѣхъ восьми провинціальныхъ ландтаговъ. Созывая Соединенный Ландтагъ, король обѣщалъ и впредь не вводить новыхъ налоговъ и не заключать новыхъ займовъ безъ согласія Соединеннаго Ландтага. Но въ вопросахъ обычнаго законодательства король давалъ Соединенному Ландтагу только совѣщательный голосъ и стѣснилъ его дѣятельность поставленной надъ нимъ второй палатой изъ принцевъ, князей, графовъ и прочей аристократіи. При открытіи Соединеннаго Ландтага король заявилъ, что онъ никогда не согласится на введеніе конституціи и не позволитъ, чтобы «между Господомъ Богомъ на небесахъ и этой страною сталъ исписанный листъ бумаги, подобный второму Провидѣнію, чтобы управлять нами своими параграфами и замѣнить ими святую вѣрность».

Созывъ ландтага никого не удовлетворилъ. Консерваторы видѣли въ немъ непростительную уступку либе-

ральнымъ требованіямъ, а либералы были недовольны ограниченными правами Ландтага и его сословнымъ по преимуществу дворянскимъ составомъ. Ландтагъ пришлось распустить, а вскорѣ затѣмъ въ Пруссіи вспыхнула такъ называемая «мартовская» революція. Когда въ Берлинъ пришло извѣстіе о томъ, что въ Парижѣ произошла февральская революція, берлинцы пришли въ величайшее возбужденіе; въ городскомъ паркѣ (Тиргартенѣ) стали собираться народныя сходки, на которыхъ по преимуществу присутствовали студенты, иностранные эмигранты и рабочіе. Сходки происходили ежедневно; въ городѣ возникло крайне тревожное настроеніе; на улицахъ и площадяхъ постоянно толпился народъ; по городу непрестанно двигались военные отряды. Къ срединѣ марта стало извѣстно, что въ другихъ германскихъ государствахъ (между прочимъ, и въ Австріи) уже произошли революціи. Тогда король увидалъ, что дальнѣйшее упорство становится опаснымъ, и въ изданномъ 18 марта воззваніи къ народу далъ обѣщаніе ввести конституцію. Народъ собрался передъ дворцомъ и восторженно привѣтствовалъ вышедшаго на балконъ короля. Въ это время на дворцовую площадь внезапно выѣхалъ отрядъ войскъ и сталъ разгонять собравшихся саблями и штыками. Раздались два ружейныхъ выстрѣла, и началось побоище. Толпа закричала: «измѣна! къ оружію! мщеніе!»—и бросилась съ дворцовой площади на улицы строить баррикады. Всю ночь съ 18 на 19 марта на улицахъ столицы кипѣла ожесточенная борьба между народомъ и войскомъ. Къ утру король рѣшилъ уступить, приказалъ войскамъ удалиться изъ Берлина и назначилъ либеральное министерство. Тогда народъ траурной процессіей двинулся къ королевскому дворцу, неся съ собой трупы убитыхъ на баррикадахъ

гражданъ, и король вынужденъ былъ обнажить передъ этой процессіей голову. Вскорѣ затѣмъ король издалъ прокламацію, въ которой обѣщалъ «повсемѣстное введеніе истинныхъ конституціонныхъ учрежденій съ отвѣтственностью министровъ, гласное и устное уголовное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ, политическое и гражданское равноправіе для всѣхъ вѣроисповѣданій и истинно-народное свободное управленіе»; кромѣ того, король объявилъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ, согласился на организацію національной гвардіи и высказался въ пользу объединенія всѣхъ германскихъ государствъ.

22 мая 1848 года въ Берлинѣ собралось національное собраніе, избранное двухстепеннымъ и всеобщимъ голосованіемъ. Собраніе распалось на три главныхъ партіи: консервативную, отстаивавшую сословные интересы землевладѣльцевъ и прежнее раздробленіе Германіи; радикальную, представлявшую прирейнскія области и защищавшую народное верховенство и единство Германіи, и среднюю между этими двумя партіями— умѣренно-либеральную, партію центра, которая стремилась сгладить разногласія, возникавшія между консерваторами и радикалами. Новая конституція, выработанная національнымъ собраніемъ въ духѣ партіи центра, была довольно либеральна: она вводила двухпалатную систему, всеобщіе (но косвенные) выборы для нижней палаты, отвѣтственность министровъ, независимый судъ, мѣстное самоуправленіе, свободу личности, совѣсти, печати, собраній, петицій и требовало отъ короля присяги на вѣрность конституціи. Затѣмъ національное собраніе закончило освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи.

Въ 40-хъ годахъ бѣднѣйшіе (безлошадные) крестьяне еще были обязаны въ пользу помѣщиковъ цѣлымъ

рядомъ феодальныхъ повинностей, потому что, по законамъ предыдущаго времени, выкупать свои повинности по отношенію къ помѣщикамъ имѣли право лишь крестьяне, обладавшіе достаточнымъ количествомъ рабочаго скота. Что касается до болѣе состоятельныхъ крестьянъ, то они еще не были вполнѣ свободными и полноправными гражданами, такъ какъ надъ ними до самаго 1848 года продолжала тяготѣть административная, судебная и полицейская власть помѣщиковъ которые имѣли право издавать обязательныя для крестьянъ своей округи распоряженія и судить ихъ по всѣмъ гражданскимъ и менѣе важнымъ уголовнымъ дѣламъ. Пользуясь своей властью надъ крестьянами, помѣщики или затрудняли выкупъ въ тѣхъ случаяхъ когда онъ былъ имъ невыгоденъ, или же, совершая его отбирали отъ крестьянъ землю въ вознагражденіе за уничтоженіе повинностей. Кромѣ того, помѣщики увеличивали свои владѣнія за счетъ крестьянскихъ земель и путемъ свободныхъ сдѣлокъ, которыя послѣ уничтоженія охраны крестьянства могли свободно заключаться; выгоды отъ этой свободы земельныхъ отношеній выпадали, конечно, на долю болѣе сильной стороны т.-е. помѣщиковъ.

Благодаря всему этому въ Пруссіи въ 1848 году почт не осталось крестьянъ-собственниковъ: большинство из нихъ перешло на положеніе сельскихъ батраковъ, работавшихъ на поляхъ помѣщиковъ, т.-е. случилось то же, что раньше произошло въ Англіи. Національное собраніе рѣшило уничтожить всѣ феодальныя повинности, еще лежавшія на крестьянахъ, но пріостанови процессъ крестьянскаго обезземеленія оно не могло, потому что скоро было распущено. Позднѣе, 2 марта 185 года, былъ изданъ новый, довольно сложный законъ

крестьянахъ, который не только не остановилъ, но еще болѣе усилилъ крестьянское обезземеленіе.

Національное Собраніе недолго жило въ мирѣ съ королемъ. Король, явно для всѣхъ, былъ неискрененъ, даруя конституцію, и теперь смотрѣлъ на дѣятельность Національнаго Собранія съ неудовольствіемъ и скрытымъ страхомъ. Уже въ ноябрѣ онъ назначилъ новое, консервативное министерство Брандербурга, которое, опасаясь вліянія революціоннаго населенія Берлина на палату депутатовъ, перенесло ея засѣданія въ маленькій городокъ Бранденбургъ. Затѣмъ была распущена національная гвардія, Берлинъ объявленъ на военномъ положеніи, запрещены собранія болѣе 20 человѣкъ и пр. Большинство палаты отказалось подчиниться приказу переселенія въ Бранденбургъ и въ видѣ протеста противъ него приняло постановленіе, которымъ приглашало народъ не платить правительственныхъ налоговъ.

Вскорѣ затѣмъ Національное Собраніе было распущено, и король собственной властью даровалъ Пруссіи конституцію, сначала либеральную, во всемъ сходную съ конституціей, принятой Національнымъ Собраніемъ, а затѣмъ, когда страна послала опять оппозиціонныхъ и революціонныхъ депутатовъ,—болѣе умѣренную, при которой главное вліяніе на выборы получили наиболѣе состоятельные классы населенія. Собравшаяся на основаніи этого закона палата оказалась болѣе сговорчивой и даже отказалась отъ права контроля бюджета. Такимъ образомъ революція 48 года въ Пруссіи закончилась реакціей, которую правительство поддерживало, опираясь на имущіе классы населенія. Страна не могла дать отпора этой реакціи. Буржуазія, до 48 года боровшаяся противъ правительства совмѣстно съ демократіей, теперь была напугана «краснымъ призракомъ» со-

ціальной революціи, которая могла бы угрожать ея имущественнымъ интересамъ; крестьянство отчасти было слишкомъ апатично, отчасти удовлетворено уничтоженіемъ феодальныхъ повинностей, а пролетаріатъ еще не успѣлъ сорганизоваться въ стойкую политическую силу.

Революція въ Австріи. Въ обширной монархіи Габсбурговъ реакція 20—40-хъ годовъ такъ же, какъ и въ Пруссіи, основывалась на союзѣ монарховъ съ привилегированными сословіями: но здѣсь къ борьбѣ сословій и къ различію политическихъ стремленій присоединялась еще и національная рознь между многочисленными племенами, населявшими имперію.

Нѣкоторыя народности враждовали между собой не только вслѣдствіе принадлежности къ различнымъ племенамъ, но и вслѣдствіе различія въ экономическомъ положеніи; такъ, мадьяры въ Венгріи и нѣмцы въ Австріи принадлежали преимущественно къ землевладѣльцамъ, а славянское и румынское населеніе этихъ областей—къ крестьянамъ-земледѣльцамъ; въ Галиціи также вполнѣ ясно выражалась борьба между поляками-землевладѣльцами и русскими-крестьянами. Разноплеменность имперіи приводила къ тому, что національное возрожденіе здѣсь повело не къ объединительнымъ (какъ въ остальной Германіи), а къ партикуляристскимъ стремленіямъ: каждая нація стремилась къ самостоятельности и къ освобожденію изъ-подъ опеки двухъ господствующихъ народностей габсбургской монархіи: нѣмцевъ въ Австріи и мадьяръ въ Венгріи. Поэтому успѣхъ національныхъ движеній долженъ былъ повести къ распаденію государства.

Революція въ Вѣнѣ началась при первыхъ же извѣстіяхъ о февральской революціи. Сначала въ броженіи

приняла участіе буржуазія, въ лицѣ богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, чиновничество и студенты. Политика Меттерниха была всѣмъ до того ненавистна, что подъ петиціями, содержавшими въ себѣ требованія «перемѣнить систему», встрѣчались даже подписи высшихъ чиновниковъ. Въ толпѣ, собравшейся передъ зданіемъ нижне-австрійскаго сейма, преобладали прилично одѣтые, зажиточные люди. Требованія реформъ были настолько единодушны, что Фердинандъ I принужденъ былъ дать отставку Меттерниху (бѣжавшему послѣ этого въ Лондонъ) и согласиться на раздачу студентамъ и бюргерамъ оружія. Студенты сорганизовались въ «академическій легіонъ», бюргеры также вооружились,—но главнымъ образомъ не для защиты свободы, а для поддержанія порядка, которому стало угрожать выступленіе городского пролетаріата, бросившагося разорять фабрики и портить машины *). Напуганный Фердинандъ назначилъ либеральное министерство, провозгласилъ свободу печати и далъ обѣщаніе созвать учредительное собраніе на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Но ему уже не довѣряли, и власть въ городѣ фактически перешла къ «центральному комитету» изъ представителей національной гвардіи и академическаго легіона. Фердинандъ сдѣлалъ попытки распустить центральный комитетъ, но это вызвало новое возстаніе (15 мая), и императоръ принужденъ былъ бѣжать изъ столицы.

Въ іюлѣ 1848 года въ Вѣнѣ собрался общеавстрійскій парламентъ (учредительное собраніе); на немъ присутствовали всѣ народности имперіи, кромѣ венгровъ.

*) Буржуазія въ Вѣнѣ боялась соціальной революціи еще больше, чѣмъ въ Берлинѣ, и потому съ первыхъ же дней революціи повела борьбу на два фронта: и противъ правительства, и противъ рабочихъ. Наоборотъ, у студентовъ установились съ рабочими прекрасныя отношенія.

нѣмцы въ немъ оказались въ меньшинствѣ, что вызвало среди нѣмецкихъ націоналистовъ страшную тревогу. Славяне заняли въ парламентѣ правую сторону, нѣмцы—лѣвую, австрійскіе консерваторы и тирольцы—центръ.

Довольно сплоченную группу въ парламентѣ заняли крестьяне, которыхъ было сто человѣкъ. Въ общемъ консервативно настроенные, они однако энергично добивались освобожденія крестьянъ и уничтоженія повинностей въ пользу помѣщиковъ. Большинство крестьянскаго населенія въ Австріи фактически находилось въ полномъ подчиненіи у помѣщиковъ, которые обладали судебной и полицейской властью надъ крестьянами; крестьяне были обязаны въ пользу помѣщиковъ двухъ- или трехдневной барщиной и цѣлымъ рядомъ обременительныхъ повинностей. Учредительное собраніе уже въ сентябрѣ 1848 г. опубликовало законъ, который предписывалъ освобожденіе крестьянскихъ земель отъ всякихъ феодальныхъ повинностей; при этомъ повинности, которыя были основаны на личной зависимости крестьянина отъ помѣщика, уничтожались безвозмездно, а повинности, основывавшіяся на владѣніи землей, подлежали выкупу. Позднѣйшимъ закономъ былъ опредѣленъ способъ выкупа крестьянскихъ повинностей: ежегодный крестьянскій платежъ помножали на 20, и затѣмъ онъ подлежалъ постепенной уплатѣ при помощи государства; еще позднѣе (въ 1851 г.) государство въ счетъ уплаты крестьянскаго долга вручило помѣщикамъ процентныя бумаги для того, чтобы помѣщикъ вмѣсто ренты могъ сразу получить капиталъ. Правительство повело дѣло такъ быстро, что уже въ 1859 году вся выкупная операція была закончена. Такой способъ уничтоженія крестьянскихъ повинностей повелъ къ тому, что

крестьяне въ Австріи послѣ своего освобожденія сохранили за собой тѣ земли, которыми они пользовались до тѣхъ поръ.

Императоръ вернулся въ Вѣну 12 августа 1848 г., но волненія тамъ не утихали. Они охватили теперь главнымъ образомъ рабочихъ; для нихъ весной (по образцу парижскихъ національныхъ мастерскихъ) были устроены земляныя работы на общественный счетъ, но эти работы стоили очень дорого, и заработную плату пришлось понизить, что вызвало среди рабочихъ раздраженіе. Съ другой стороны, причиной волненій было то, что вѣнцы хотѣли помѣшать выступленію изъ города солдатъ, посланныхъ для усмиренія возставшихъ венгровъ. Толпа схватила военнаго министра Латура и повѣсила его на фонарѣ (6 октября). Власть въ городѣ захватили революціонеры и рабочіе. Учредительное собраніе потеряло всякое значеніе, и императоръ вторично бѣжалъ изъ Вѣны, поручивъ начальство надъ нѣмецкими войсками чешскому магнату—князю Виндишгрецу и призвавъ на помощь консервативное славянское ополченіе подъ начальствомъ хорватскаго помѣщика Елачича. Виндишгрецъ и Елачичъ совмѣстно осадили Вѣну и послѣ жестокой бомбардировки принудили ее къ сдачѣ (30 октября 1848 г.). Въ Вѣнѣ было объявлено осадное положеніе, и вожди возстанія были приговорены къ смертной казни (между ними депутатъ франкфуртскаго парламента Блюмъ); учредительное собраніе вскорѣ послѣ этого было разогнано военной силой (предварительно его засѣданія были перенесены въ маленькій провинціальный городокъ). Императоръ отрекся отъ престола въ пользу своего 18-лѣтняго племянника Франца-Іосифа, и новый императоръ, не связанный обѣщаніями своего предшественника, какъ только революціонное на-

строеніе ослабѣло, возстановилъ въ Австріи абсолютизмъ (31 декабря 1851 года).

Революція въ Венгріи и славянскихъ государствахъ. Венгерское королевство составляло отдѣльную часть монархіи Габсбурговъ; въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, сохранились остатки автономіи. Помимо общаго сейма для всего королевства, въ который собирались представители отъ дворянства и городовъ, въ Венгріи существовали еще мѣстные сеймики для каждаго отдѣльнаго комитата (округа). Сеймы и сеймики энергично боролись за права венгерской націи, и въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ добились введенія мадьярскаго языка въ законодательство, администрацію, судопроизводство и преподаваніе. Мадьяризація Венгріи вызвала однако противъ себя сильную оппозицію среди славянскихъ народностей, населявшихъ эту страну (особенно хорватовъ), боявшихся попасть въ полную зависимость отъ мадьяръ; поэтому вѣнское правительство для борьбы съ мадьярами часто искало поддержки среди венгерскихъ славянъ. Венгерскій сеймъ дѣйствовалъ единодушно какъ по отношенію къ нѣмецкому правительству, такъ и по отношенію къ славянамъ. Но по вопросамъ внутренней политики онъ рѣзко раздѣлился на двѣ партіи: одна изъ нихъ, консервативная, стояла за сословныя привилегіи дворянства, за укрѣпленіе власти помѣщиковъ надъ крестьянами, а другая, демократическая, проникнутая идеями западно-европейскаго либерализма, стремилась къ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій и къ реформѣ избирательнаго права въ пользу горожанъ. Во главѣ демократической партіи стояли молодой адвокатъ Кошутъ и Деакъ.

При первомъ извѣстіи о февральской революціи вен-

герскій сеймъ предъявилъ правительству требованіе особаго отвѣтственнаго министерства для Венгріи, а также ежегодныхъ сеймовъ, уничтоженія дворянскихъ привилегій, свободы печати, совѣсти, суда присяжныхъ и т. п. Фердинандъ I согласился на всѣ желанія сейма, и въ мартѣ образовалось первое венгерское министерство (графа Баттіани), въ составъ котораго вошли Кошутъ и Деакъ. Въ началѣ іюля въ Пештѣ собралось учредительное собраніе, и Венгрія стала вести себя какъ совершенно независимое государство: офицерамъ вновь образованной національной гвардіи было запрещено повиноваться распоряженіямъ вѣнскаго правительства: были введены особые венгерскіе кредитные билеты, выпущенъ венгерскій государственный заемъ; за границу были посланы венгерскіе дипломатическіе агенты. Но стремленіе мадьяръ распространить свой языкъ и своихъ чиновниковъ въ славянскихъ областяхъ вызвало противъ нихъ возстаніе хорватовъ. Хорватскій банъ Елачичъ по соглашенію съ вѣнскимъ правительствомъ и съ реакціонной партіей вѣнскаго учредительнаго собранія пошелъ на Пештъ во главѣ большого хорватскаго войска. Въ это же время произошелъ и окончательный разрывъ Венгріи съ императоромъ, вслѣдствіе убійства венграми назначеннаго Фердинандомъ главнокомандующаго графа Ламберта. Императоръ объявилъ венгерское королевство на военномъ положеніи, венгерское учредительное собраніе распущеннымъ, назначилъ Елачича своимъ полномочнымъ комиссаромъ въ Венгріи и послалъ Виндишгреца усмирять возставшихъ. Въ отвѣтъ на это венгерское учредительное собраніе, ободренное нѣсколькими побѣдами, одержанными надъ австрійцами въ апрѣлѣ 1849 года, провозгласило низложеніе австрійскаго дома, объявило Венгрію республи-

кой и назначило временное правительство во главѣ съ Кошутомъ. Венгерскія войска стали уже рѣшительно одолѣвать австрійцевъ, но только что вступившій на престолъ Францъ-Іосифъ обратился за помощью къ русскому императору Николаю I, и русскія войска заставили сдаться венгерскаго главнокомандующаго Гергея. Кошутъ бѣжалъ въ Турцію, и въ Венгріи начались самыя жестокія репрессіи (были разстрѣляны президентъ перваго венгерскаго министерства и нѣкоторые генералы).

Въ 1848 году возникла революція и въ Чехіи. Въ Прагѣ была выработана петиція, которая требовала отъ вѣнскаго правительства образованія изъ Богеміи, Моравіи и Силезіи особаго государства съ сеймомъ и отвѣтственнымъ министерствомъ, при чемъ чехи должны были получить равныя права съ нѣмцами. Скоро чехи отказали въ повиновеніи вѣнскому министерству, хотя оно уже попало тогда въ руки революціонеровъ, образовали національную гвардію и въ противовѣсъ франкфуртскому парламенту созвали большой общеславянскій съѣздъ въ Прагѣ, выставившій требованіе объединенія всѣхъ славянъ (панславизмъ). Но чешская революція была вскорѣ подавлена такъ же, какъ были подавлены и всѣ остальныя, т.-е. съ помощью военной силы; тотъ же князь Виндишгрецъ, который позднѣе взялъ Вѣну, въ іюнѣ 1848 года послѣ жестокой бомбардировки взялъ Прагу и объявилъ въ ней осадное положеніе. Славянскій съѣздъ былъ закрытъ, а обѣщанный чехамъ учредительный сеймъ не былъ созванъ.

Революція въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Кромѣ Пруссіи и Австріи революціонныя движенія произошли и во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Народныя волненія, происходившія въ нихъ, совершались повсюду главнымъ образомъ подъ

руководствомъ либеральной буржуазіи. Требованія, которыя выставлялись ею, носили почти исключительно политическій характеръ; они заключались въ свободѣ печати, религіозной свободѣ, свободѣ собраній, конституціи съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, вооруставились, такъ какъ для буржуазіи оно не имѣли женіи народа и т. п. Вопросы экономическіе почти не большого значенія. Подъ первымъ натискомъ революціонныхъ движеній правительства повсюду уступали, назначали «мартовскія» министерства и удовлетворяли главнѣйшія требованія либераловъ. Но всюду затѣмъ обнаруживался недостатокъ въ поддержкѣ со стороны демократическихъ слоевъ народа, при чемъ раньше всѣхъ отъ революціи отставали крестьяне, почти всюду получившіе во время революціи освобожденіе отъ феодальныхъ повинностей и личную свободу (тамъ, гдѣ они ея не имѣли) и вполнѣ удовлетворившіеся этимъ. Дольше остались вѣрными революціи рабочіе. Но недостатокъ вождей, слабая сплоченность, а также явное или скрытое несочувствіе къ ихъ требованіямъ со стороны либеральной буржуазіи заставляли и ихъ слагать оружіе. Тогда, покинутая истинной демократіей, либеральная буржуазія оказывалась безсильной передъ натискомъ реакціи, которой удавалось собрать свои силы и возстановить свою прежнюю, сильную многовѣковой традиціей организацію. Реакція торжествовала, при чемъ въ однихъ государствахъ возстановлялся во всей неприкосновенности старый самодержавный строй (Австрія), а въ другихъ устанавливалась цензовая конституція, отдававшая власть въ руки имущихъ классовъ (Пруссія). При этомъ однимъ изъ наиболѣе существенныхъ результатовъ революціи оказывалась крестьянская реформа, которая однако въ одной только

Австріи дѣйствительно улучшила положеніе крестьянъ (вслѣдствіе того, что здѣсь правительство не отдало крестьянъ на произволъ помѣщиковъ при выкупѣ повинностей, а дѣятельно вмѣшалось и облегчило условія выкупа).

Франкфуртскій парламентъ. Въ числѣ требованій народа, выставлявшихся въ 1848 г., одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало требованію объединенія Германіи и созыва для этого общегерманскаго парламента. Растерявшееся союзное собраніе сдѣлало видъ, что сочувствуетъ объединительнымъ стремленіямъ и предписало произвести во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ выборы въ общегерманскій парламентъ. Этотъ парламентъ собрался 18 мая 1848 г. Въ немъ участвовали самые видные общественные дѣятели, самые извѣстные ученые, и многіе думали, что ему будетъ суждено сыграть такую роль, какъ Долгому Парламенту въ Англіи и Національному Собранію во Франціи. Но парламентъ съ первыхъ же шаговъ пошелъ по ложному пути. Онъ избралъ временнымъ намѣстникомъ Германіи эрцгерцога Іоанна, который назначилъ либеральное общеимперское министерство; но у этого министерства не было ни подчиненныхъ органовъ, ни казны, ни арміи. Вслѣдствіе этого франкфуртскій парламентъ и созданныя имъ власти съ самаго начала оказались лишенными всякаго реальнаго значенія. Вмѣсто того, чтобы позаботиться о созданіи зависимой отъ себя вооруженной силы, на которую онъ могъ бы опереться, парламентъ прежде всего занялся выработкой конституціи Германской имперіи, въ которой очень много говорилось объ «основныхъ правахъ нѣмецкой націи», причемъ эти права были формулированы въ духѣ «декларація правъ» 1789 г. Но пока парламентъ разсуждалъ

объ этихъ отвлеченныхъ вопросахъ, въ Германіи уже почти повсюду одержала верхъ реакція, и волна общественнаго подъема, съ помощью котораго только и могло произойти объединеніе Германіи на демократическихъ основаніяхъ, уже спала. Правительства же отдѣльныхъ государствъ съ самаго начала относились несочувственно къ дѣятельности франкфуртскаго парламента, а послѣ обнародованія имъ очень демократической конституціи (1849 г.), передававшей исполнительную власть въ руки «императора нѣмцевъ», назначавшаго отвѣтственное передъ общеимперскимъ рейхстагомъ министерство, — они стали къ нему въ отношеніе прямо враждебное. Оказалось поэтому, что конституцію 1849 г. было некому приводить въ исполненіе.

Помимо этого, конституція оставляла нерѣшенными два наиболѣе основныхъ вопроса: во-первыхъ, войдутъ ли не-нѣмецкія народности Австріи и Пруссіи въ составъ объединенной имперіи (какъ этого желали австрійское и прусское правительства), или же онѣ будутъ исключены изъ нея (къ такому рѣшенію склонялось большинство франкфуртскаго парламента); во-вторыхъ, кому быть германскимъ императоромъ. Въ виду преобладающаго значенія въ Германіи Австріи и Пруссіи императорскую корону можно было предложить или прусскому королю или австрійскому императору; но остановиться на одномъ значило оттолкнуть другого, который не согласился бы играть второстепенную роль въ объединенной монархіи. Въ концѣ концовъ послѣ долгихъ и бурныхъ преній парламентъ избралъ въ германскіе императоры прусскаго короля. Но Фридрихъ-Вильгельмъ IV отказался отъ императорской короны; онъ не признавалъ въ вопросѣ объ избраніи императора

авторитета франкфуртскаго парламента, который казался ему слишкомъ революціоннымъ учрежденіемъ и соглашался принять корону только изъ рукъ нѣмецкихъ государей. Но послѣдніе отнюдь не хотѣли отказываться отъ своей самостоятельности въ пользу общеимперскихъ властей. Отказъ Фридриха-Вильгельма подѣйствовалъ удручающе на членовъ франкфуртскаго парламента; многіе изъ болѣе умѣренныхъ махнули на все рукой и разъѣхались; республиканцы, которые не сочувствовали конституціи изъ-за ея монархическаго характера, тѣмъ не менѣе воспользовались ею теперь, какъ демократическимъ знаменемъ, и подняли въ ея защиту возстанія въ государствахъ южной Германіи. Во многихъ мѣстахъ эти возстанія приняли большіе размѣры (въ нихъ участвовали крестьяне, рабочіе, радикальные бюргеры и отчасти солдаты); однако правительственнымъ войскамъ (главнымъ образомъ прусскимъ) было не трудно съ ними сладить; возстанія были повсюду подавлены, и вожди ихъ, не успѣвшіе бѣжать, подверглись разстрѣлянію. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ порѣдѣвшій остатокъ франкфуртскаго парламента (въ немъ остались только депутаты лѣвой и крайней лѣвой) былъ разогнанъ, и союзное собраніе изъ уполномоченныхъ отъ правительствъ, вновь собравшееся по настоянію Австріи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, отмѣнило выработанную имъ конституцію и потребовало отъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ отказа отъ всеобщаго избирательнаго права и отъ приведенія войскъ къ присягѣ на вѣрность конституціи. По всей Германіи начались высылки радикальныхъ дѣятелей; печать снова была задавлена; урѣзанныя конституціи не могли дать никакихъ гарантій, потому что членами палатъ повсюду стали избираться сторонники правительствъ.

Нѣмецкая революція такимъ образомъ окончилась полной неудачей.

Реакція 50-хъ годахъ. Послѣ окончательнаго подавленія революціи во всей Германіи наступила общая реакція. Эта реакція почти повсюду носила клерикально-феодальный характеръ. Правительства въ угоду дворянамъ возстановляли прежнія привилегіи дворянства и старались вернуть духовенству его прежнюю власть надъ свѣтскимъ обществомъ. Не только рабочее, но и либерально-буржуазное движеніе совершенно заглохло; народное представительство тамъ, гдѣ оно сохранялось, утратило даже и тѣнь независимости; всякія демократическія движенія пресѣкались въ самомъ корнѣ. При этомъ союзное собраніе во всѣхъ столкновеніяхъ между либералами и реакціонерами всегда становилось на сторону послѣднихъ.

Въ Пруссіи реакція проявилась особенно сильно, потому что демократы постановили воздерживаться отъ участія въ выборахъ; у власти стала консервативно-конституціонная партія, которая объединила промышленную буржуазію, отшатнувшуюся отъ революціи 1848 г. послѣ того, какъ она приняла соціальный характеръ, затѣмъ чиновниковъ, массами проникавшихъ въ палату депутатовъ, и дворянъ. Духовенство также пріобрѣтало все большее вліяніе и, подобно католическому клиру, стало вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. По закону 1854 года учителя низшихъ школъ были подчинены надзору духовенства, и религіозному обученію удѣлялось особенно много вниманія.

Укрѣпленіе либерализма и конфликтъ. Въ концѣ 1857 года для Пруссіи однако острый періодъ реакціи окончился. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV сошелъ съ ума, и регентомъ былъ объявленъ его братъ

Вильгельмъ I, который 1861 года сталъ королемъ. Новый правитель Прус раньше бывшій крайнимъ реакціонеромъ, рѣшилъ лать нѣкоторыя уступки либеральному движенію, сн оживившемуся въ Пруссіи. Вильгельмъ далъ отстав стоявшему тогда у власти консервативному минист ву и на его мѣсто назначилъ министровъ изъ с ы умѣренныхъ либераловъ. Новое министерство отк лось отъ системы административнаго давленія на бирателей, и вслѣдствіе этого на выборахъ 1858 г. въ палату прошло значительное либеральное большинство. Неожиданно палатское большинство вступило въ бор бу съ Вильгельмомъ.

Вильгельмъ I, который выше всего ставилъ величіе Пруссіи и хотѣлъ, чтобы она была славна и сильна своимъ войскомъ увеличилъ ежегодное количество призываемыхъ подъ ружье. Такая реформа увеличила военный бюджетъ на 9,5 мил. талеровъ, и палата въ 1862 году отказалась вотировать требуемую правительствомъ на содержаніе новыхъ полковъ сумму, несмотря на то, что большая часть ея была не только собрана, но и истрачена. Это голосованіе палаты состоялось подъ вліяніемъ образовавшейся около этого времени въ Пруссіи «нѣмецкой партіи прогресса», стремившейся водворить въ Пруссіи парламентарные порядки, согласно съ которыми оставшееся въ меньшинствѣ министерство должно было выйти въ отставку. Во главѣ этой партіи стояли наиболѣе видные ученые и общественные дѣятели Пруссіи—Вирховъ, Момзенъ, Шульце-Деличъ и др. Такъ возникъ конфликтъ между королемъ и палатой, изъ котораго, казалось, не было никакого выхода. Вильгельмъ уже думалъ объ отреченіи отъ престола въ пользу своего сына, которому сочувствовали либералы, и, какъ къ послѣднему средству,

рѣшилъ прибѣгнуть къ назначенію боевого министерства Бисмарка. Бисмаркъ былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ ультра-консервативной политики и какъ крайній абсолютистъ. Раньше онъ былъ представителемъ Пруссіи въ германскомъ союзномъ собраніи, а затѣмъ петербургскимъ и парижскимъ посланникомъ. На этихъ должностяхъ онъ зарекомендовалъ себя человѣкомъ необычайно властнымъ, но въ то же время и прекраснымъ дипломатомъ, умѣющимъ за внѣшней грубостью скрывать тонко задуманную интригу. Въ политикѣ онъ руководился главнымъ образомъ соображеніями практической пользы и твердо держался того мнѣнія, что сила господствуетъ надъ правомъ. Будучи сторонникомъ объединенія Германіи подъ гегемоніей Пруссіи, онъ думалъ, что единство Германіи будетъ достигнуто не ораторскими рѣча и не голосованіемъ, а «желѣзомъ и кровью». Какъ сторонникъ властной политики, Бисмаркъ предложилъ королю собирать налоги безъ согласія парламента, и цѣлыхъ четыре года въ Пруссіи собирались неутвержденные палатой налоги.

Война съ Австріей и Сѣверо-Германскій Союзъ. Конецъ конфликту между народнымъ представительствомъ и королемъ положила война Пруссіи съ Австріей. Она возникла изъ-за вопроса о Шлезвигѣ и Гольштиніи. Эти два герцогства принадлежали Даніи, но громадное большинство населенія въ нихъ составляли нѣмцы. Бисмаркъ предложилъ Австріи отнять Шлезвигъ-Гольштинію у Даніи. Соединенныя австро-прусскія войска легко сладили съ датской арміей (1864 г.), и датскій король отказался отъ всякихъ правъ на Шлезвигъ-Гольштинію въ пользу императора австрійскаго и короля прусскаго, но вслѣдъ затѣмъ возникло столкновеніе между самими союзниками изъ-за вопроса

о дальнѣйшей судьбѣ отнятыхъ у Даніи герцогствъ. Бисмаркъ хотѣлъ присоединить эти герцогства къ Пруссіи, но Австрія не давала на это своего согласія. Одно время возникъ проектъ передать австро-прусскую распрю на усмотрѣніе союзнаго собранія, но Бисмаркъ рѣзко заявилъ, что союзное собраніе въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ не судья; онъ не довѣрялъ ему, такъ какъ въ немъ главная роль принадлежала Австріи. Послѣ разрыва съ союзнымъ собраніемъ Бисмарку надо было опереться на какую-нибудь иную силу внѣ Пруссіи, и вотъ онъ совершенно неожиданно предложилъ созвать «путемъ прямыхъ выборовъ и всеобщаго голосованія всей нѣмецкой націи» общегерманскій парламентъ, который долженъ былъ заняться переустройствомъ Германскаго Союза. Но Австрія, вѣрная своей прежней реакціонной политикѣ, не могла на это согласиться, и лѣтомъ 1866 года между обоими главными нѣмецкими государствами возникла война, при чемъ на сторону Австріи стала южная Германія, а на сторону Пруссіи—Италія, гдѣ также происходила въ это время борьба за объединеніе. Война быстро окончилась въ пользу Пруссіи. Австрійскія войска потерпѣли рѣшительное пораженіе при Садовой послѣ чего былъ заключенъ миръ, который положилъ конецъ существованію Германскаго Союза и сдѣлалъ Пруссію господствующей державой въ Германіи. Пруссія присоединила къ себѣ: во-первыхъ, Шлезвигъ и Гольштинію, а во-вторыхъ, цѣлыхъ три государства сѣверной Германіи (Ганноверъ, Гессенъ-Кассель и Нассау), благодаря чему она не только увеличила свою территорію, но и уничтожила чрезполосность своихъ владѣній. Затѣмъ на мѣсто уничтоженнаго союза слабо связанныхъ между собою государствъ было учреждено подъ именемъ Сѣверо-Германскаго союза

крѣпко сплоченное союзное государство, въ составъ котораго вошли, кромѣ П... сс... , 21 государство, расположенныя на сѣверъ отъ линіи Майна. Въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ Пруссія получила предсѣдательство, и ея король получилъ право начальствовать надъ всей военной силой союза и вести отъ его имени дипломатическія сношенія. Съ нимъ раздѣляли власть: во-первыхъ, союзный совѣтъ, состоявшій изъ правительственныхъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ, входившихъ въ составъ союза, а во-вторыхъ, рейхстагъ, избиравшійся всеобщей подачей голосовъ. Король могъ назначать канцлера, т.-е. главнаго министра союза, но канцлеръ не былъ отвѣтственъ передъ рейхстагомъ.

Подъ впечатлѣніемъ военныхъ успѣховъ Пруссіи состоялись выборы въ прусскую палату ... татовъ (распущенную послѣ сдѣланнаго ею объявленія, что министерство нарушило конституцію) и въ рейхстагъ. Выборы дали рѣшительную побѣду сторонникамъ Бисмарка; прогрессисты потерпѣли рѣшительное пораженіе. Въ средѣ самой «партіи прогресса» произошелъ расколъ, отъ нея откололась значительная группа, заявившая, что она будетъ поддерживать правительство въ его внѣшней политикѣ, охраняя въ то же время внутри государства конституціонныя права. Эта партія получила названіе націоналъ-либеральной. Націоналъ-либералы стояли, въ сущности, на стражѣ интересовъ буржуазіи; въ интересахъ торговли и промышленности они добивались довершенія объединенія Германіи, отмѣны стѣсняющихъ индустрію законовъ и въ то же время стремились къ уничтоженію дворянскихъ привилегій и къ ослабленію вліянія духовенства. Выборы въ рейхстагъ дали націоналъ-либераламъ большее число мѣстъ, чѣмъ остальнымъ партіямъ; Бисмаркъ, назначен-

ный въ 1867 г. на мѣсто имперскаго канцлера, сталъ мало по малу переходить на сторону этой партіи, опираясь на нее въ борьбѣ съ защитниками правъ насильственно присоединенныхъ къ Пруссіи народностей, а также съ социалъ-демократами (въ первомъ рейхстагѣ ихъ было только трое).

Объединеніе Германіи. Окончательное объединеніе Германіи произошло во время франко-прусской войны. И теперь толчкомъ къ объединенію послужили успѣхи прусскаго оружія. Когда Парижъ осаждался германской арміей, то германскіе государи, собравшись въ Версалѣ, предложили Вильгельму императорскую корону всей Германіи. Въ составъ объединившейся Германіи теперь вошли (кромѣ всего Сѣверо-Германскаго Союза): во-первыхъ, южныя государства, а во-вторыхъ, отнятыя у Франціи Эльзасъ и Лотарингія. Германская имперія сохранила во всей неприкосновенности конституцію Сѣверо-Германскаго Союза и его характеръ союзнаго государства, образованнаго изъ маленькихъ автономныхъ монархій. Но въ этомъ союзномъ государствѣ общеимперскимъ властямъ были предоставлены очень большія права. Армія и флотъ, дороги, почта, телеграфъ, внѣшняя торговля, дипломатическія сношенія находились исключительно въ рукахъ императора, союзнаго совѣта и рейхстага. Даже и во внутреннихъ дѣлахъ отдѣльныя государства обязаны подчиниться законамъ, принятымъ имперскимъ правительствомъ.

Объединеніе Германіи въ общемъ носило одинаковый характеръ съ итальянскимъ объединеніемъ; въ обоихъ государствахъ оно было совершено не демократическими массами, а правительствами, опиравшимися на буржуазные элементы общества. Въ обоихъ государствахъ

въ объединеніи значительную роль сыграла прекрасно обученная армія, такъ какъ объединеніе происходило въ обстановкѣ военныхъ столкновеній и осуществлялось путемъ «крови и желѣза». Поэтому и въ Германіи и въ Италіи вслѣдъ за объединеніемъ появляется культъ военной силы, и на армію, достигающую все большихъ размѣровъ, тратятся колоссальныя денежныя суммы, изъ года въ годъ все увеличивающіяся. Такая политика получила названіе милитаризма и повела къ образованію воинственныхъ союзовъ, изъ которыхъ особенно большое значеніе пріобрѣлъ составившійся въ 80-хъ годахъ тройственный союзъ Германіи, Австріи и Италіи; наконецъ, отъ объединенія и сопровождавшаго его милитаризма выиграла болѣе всего торгово-промышленная буржуазія, получившая возможность производить на болѣе широкій рынокъ, чѣмъ раньше, и богатѣвшая на снабженіи войска припасами, оружіемъ, военными снарядами и амуниціей.

«Культурная борьба». Послѣ объединенія Германіи руководящая власть осталась въ рукахъ Бисмарка. Онъ попрежнему былъ противникомъ отвѣтственности министровъ, требовалъ безусловнаго себѣ повиновенія, не выносилъ ничьей самостоятельности и водворилъ во всей Германіи тотъ же самый бюрократическій строй, который до того господствовалъ въ Пруссіи. Въ рейхстагѣ онъ продолжалъ опираться на національ-либераловъ, причемъ не прочь былъ въ случаѣ нужды привлечь на свою сторону и голоса другихъ партій за небольшія уступки ихъ требованіямъ. При дробности тогдашнихъ партій въ Германіи это было нетрудно сдѣлать. Въ національ-либералахъ Бисмаркъ цѣнилъ ихъ преданность дѣлу объединенія Германіи и умѣренный либерализмъ. Въ ихъ средѣ онъ нашелъ поддержку про-

тивъ католической партіи (центра), которая стала въ враждебныя отношенія къ вновь образовавшейся имперіи. Въ Германіи духовенство было почти независимо отъ государства и имѣло право завѣдывать и управлять своими дѣлами самостоятельно. Но католики, во главѣ которыхъ сталъ въ германскомъ рейхстагѣ Виндгорстъ, не удовлетворялись этимъ и требовали возстановленія свѣтской власти папы и подчиненія духовенству школьнаго преподаванія. Бисмаркъ, который не хотѣлъ терпѣть рядомъ съ сильной государственной властью ничьей самостоятельности, вступилъ въ рѣшительную борьбу съ католической партіей (эта борьба получила названіе «культурной борьбы») и провелъ въ парламентѣ рядъ законовъ, стѣснявшихъ ея прежнюю самостоятельность и уменьшившихъ ея прежнюю власть надъ обществомъ: эти такъ называемые «майскіе законы» (1873—1875 г. г.), въ сущности, превращали епископовъ и священниковъ въ правительственныхъ чиновниковъ; отъ желающихъ стать священниками стали требовать посѣщенія университетовъ и сдачи экзамена по исторіи и философіи; епископы должны были увѣдомлять администрацію о всякомъ назначеніи на духовную должность; наконецъ, «майскими законами» вводился гражданскій бракъ. Конфликтъ съ духовенствомъ заставилъ Бисмарка сблизиться еще болѣе съ націоналъ-либералами и даже съ прогрессистами. Въ награду за поддержку, оказанную этими партіями, Бисмаркъ провелъ реформу мѣстной администраціи, которая уничтожила судебную и полицейскую власть помѣщиковъ въ селахъ. Въ то же время консервативная партія мало-помалу переходила въ оппозицію противъ Бисмарка.

«Культурная борьба» не уничтожила силы католической партіи. Католики не хотѣли уступить, и, опираясь

на сельское населеніе и на землевладѣльцевъ, завоевали въ рейхстагѣ новыя мѣста. Въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ они составляли самую сильную партію въ рейхстагѣ (ихъ было около 100 изъ 397). Бисмаркъ былъ принужденъ ослабить мѣры строгости противъ непокорныхъ епископовъ и почти совершенно отказаться отъ примѣненія «майскихъ законовъ». Сблизиться съ консервативной католической партіей заставила его начатая имъ въ концѣ 70-хъ годовъ борьба съ пріобрѣтавшей все большее значеніе въ Германіи партіей соціалистовъ.

Соціализмъ во второй половинѣ XIX в. въ Германіи. Въ половинѣ XIX вѣка въ Германіи число рабочихъ достигло уже значительныхъ размѣровъ. Ихъ особенно много было въ Силезіи, Саксоніи и Рейнской области, но они были совершенно неорганизованы. Первымъ указалъ на необходимость организаціи рабочихъ молодой журналистъ Лассаль. Лассаль былъ ученикомъ Гегеля и подобно ему видѣлъ въ государствѣ великую общественную организацію. Оно разрѣшитъ соціальный вопросъ и выдвинетъ на первый планъ интересы людей труда—рабочихъ, которыхъ Лассаль называлъ четвертымъ сословіемъ. «Это четвертое сословіе... можетъ быть отождествлено со всѣмъ человѣчествомъ. Его дѣло поэтому является въ дѣйствительности дѣломъ всего человѣчества; его господство—это господство всѣхъ». Тотъ, кто призываетъ на защиту рабочихъ, «тотъ призываетъ не къ раздорамъ и расколу общественныхъ классовъ, а, напротивъ, призываетъ къ примиренію все общество». Но рабочіе только тогда могутъ обратить на себя вниманіе государства, когда они соединятся въ общій союзъ. Поэтому объединеніе всѣхъ рабочихъ, образованіе «общенѣмецкаго рабочаго союза» представлялось Лассалю первой и насущной потребностью того времени.

Скоро идеи Лассаля получили частное осуществленіе. 23 мая 1863 года въ Лейпцигѣ собрались уполномоченные отъ десяти наиболѣе крупныхъ промышленныхъ центровъ, чтобы положить основаніе «общенѣмецкому союзу рабочихъ», который долженъ былъ добиваться двухъ цѣлей: введенія всеобщаго избирательнаго права и устройства производительныхъ ассоціацій, въ которыхъ сами рабочіе станутъ предпринимателями; средства для этого имъ должно доставить государство, которое съ введеніемъ всеобщаго избирательнаго права станетъ на сторону рабочихъ. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, рабочіе должны дѣятельно вмѣшаться въ политику и образовать самостоятельную политическую партію,— безъ этого они не могутъ разсчитывать на удовлетвореніе своихъ экономическихъ интересовъ. Агитація Лассаля привела его въ столкновеніе съ «партіей прогресса». Хотя прогрессисты и хлопотали о пріобрѣтеніи расположенія рабочихъ въ своей борьбѣ съ правительствомъ, но въ экономическихъ вопросахъ стояли на точкѣ зрѣнія манчестерской школы и не хотѣли и слышать о вмѣшательствѣ государства въ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Прогрессистъ Шульце-Деличъ доказывалъ рабочимъ, что улучшить ихъ положеніе можетъ только самопомощь и устройство безъ всякаго содѣйствія со стороны государства разныхъ товариществъ: потребительныхъ, ссудо-сберегательныхъ, производительныхъ и образовательныхъ. Лассаль возражалъ прогрессистамъ и письменно и устно на собраніяхъ рабочихъ, которыя устраивали друзья и враги Лассаля въ большихъ городахъ. На нѣкоторыхъ изъ рабочихъ собраній происходили голосованія, результаты которыхъ ясно доказывали, что сочувствіе рабочихъ на сторонѣ Лассаля, а не на сторонѣ его враговъ. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ пользо-

вался Лассаль у рабочихъ, тѣмъ болѣе обострялись его отношенія съ прогрессистами.

Дѣло дошло до того, что Лассаль передъ смертью вступилъ даже въ сношенія съ Бисмаркомъ, имѣя въ виду борьбу противъ общаго врага—прогрессистовъ. Бисмаркъ въ это время, какъ мы увидѣли, сталъ склонятъся къ лассалевской мысли о введеніи всеобщаго избирательнаго права, которое представлялось ему прекраснымъ средствомъ объединенія Германіи. Лассаль, подобно Бисмарку, былъ сторонникомъ сильной государственной власти; даже за объединеніе Германіи онъ горячо ратовалъ главнымъ образомъ потому, что видѣлъ, какъ мало было силы въ рукахъ правительствъ тѣхъ мелкихъ государствъ, на которыя дробилась Германія.

Основанный Лассалемъ «общенѣмецкій рабочій союзъ» въ годъ его смерти (1864) былъ еще слабъ: въ немъ насчитывалось не болѣе 4—5 тысячъ членовъ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Лассаля имѣла громадное значеніе: она обратила вниманіе очень широкихъ общественныхъ круговъ на существованіе рабочаго вопроса и соціальной проблемы.

Рядомъ съ «общенѣмецкимъ союзомъ», организованнымъ Лассалемъ, въ 60-хъ годахъ въ Германіи возникла и другая соціалистическая партія. Эта вторая партія возникла въ связи съ такъ называемымъ «Интернаціоналомъ». Въ 1864 году политическіе изгнанники, собравшіеся въ Лондонѣ *), положили начало «Международному Обществу рабочихъ» (иначе «Интернаціоналу»), которое должно было объединить въ своей средѣ рабочихъ всѣхъ странъ. Уставъ «Интернаціонала» былъ написанъ

*) Мадзини, Марксъ и др.

Марксомъ, и его дѣятельность все болѣе проникалась духомъ марксистскаго ученія. «Интернаціоналъ» отказался отъ борьбы за интересы демократіи путемъ вооруженныхъ возстаній,—его руководители полагали, что экономическое освобожденіе рабочихъ будетъ достигнуто мирнымъ путемъ; сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ черезъ извѣстный промежутокъ времени приведетъ къ тому, что всѣ капиталы окажутся въ рукахъ какой-нибудь дюжины предпринимателей, которые будутъ держать въ своихъ рукахъ милліоны населенія. И тогда естественно будетъ появленіе мысли: для всеобщаго благополучія надо экспропріировать только эту дюжину собственниковъ. Эта революція совершится мирно, силами самого рабочаго класса и, въ противоположность мнѣнію Лассаля, безъ содѣйствія со стороны буржуазнаго государства. Интернаціоналъ только въ 60-хъ годахъ дѣйствовалъ энергично и внушалъ страхъ правительствамъ и буржуазіи; но уже въ 70-хъ годахъ его дѣятельность ослабѣла; Интернаціоналъ сталъ падать и, наконецъ, въ 1876 году совершенно прекратилъ свое существованіе. Причиной этого было отчасти усиленіе націонализма во Франціи и Германіи послѣ 1870 г., которое не мирилось съ космополитическимъ характеромъ Интернаціонала, а отчасти раздоры въ средѣ самаго Интернаціонала, отъ котораго въ 1868 году откололась группа анархистовъ во главѣ съ Бакунинымъ, отрицавшимъ необходимость для рабочихъ стремиться къ захвату политической власти и смотрѣвшимъ на всякое государство только какъ на организованное насиліе лицъ, стоящихъ у власти, надъ всѣми остальными. Но идеи Интернаціонала не умерли съ его паденіемъ. Еще въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ въ Германіи на основѣ идей Интернаціонала возникла особая партія соціалъ-

демократовъ, организаторомъ которой былъ Либкнехтъ, а однимъ изъ главныхъ дѣятелей—саксонскій токарь Бебель. Нѣкоторое время соціалъ-демократы враждовали съ лассальянцами (отчасти вслѣдствіе различнаго отношенія къ государству, а отчасти вслѣдствіе того, что лассальянцы ограничивали свою дѣятельность одной Германіей, а соціалъ-демократы стояли за международный союзъ рабочихъ), но въ 1875 г. на конгрессѣ въ Готѣ между обѣими партіями произошло примиреніе, и онѣ слились въ общую рабочую соціалистическую партію подъ предводительствомъ Либкнехта и Бебеля; ея ближайшими требованіями стали: установленіе республики, восьмичасовой рабочій день, свобода союзовъ, законы для защиты рабочихъ.

Борьба Бисмарка съ соціалистами и его соціальная политика. Въ концѣ 70-хъ годовъ соціалъ-демократы пріобрѣли уже такое значеніе въ Германіи, что Бисмаркъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе. Онъ хотѣлъ положить конецъ соціалистической пропагандѣ строгими законами о печати; но рейхстагъ, большинство котораго составляли либералы, отказался дать согласіе на новые законы, и тогда Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ (1878 г.). Въ новомъ рейхстагѣ консерваторы получили большинство и приняли предложенные Бисмаркомъ исключительные законы, направленные спеціально противъ «разрушительныхъ ученій» соціалъ-демократіи. По этому закону всякія соціалистическія организаціи были объявлены противозаконными, и полиція получила право запрещать соціалистическія изданія и распускать соціалистическія собранія. Этотъ законъ просуществовалъ 12 лѣтъ (до 1890 года) и совершенно разрушилъ легальную организацію соціалистической партіи. Соціалистамъ пришлось бѣжать за-гра

ницу, издавать за предѣлами Германіи свои органы и созывать тамъ свои конгрессы.

Значительная часть націоналъ-либераловъ отказалась послѣдовать за Бисмаркомъ на путь реакціи и перешла къ прогрессистамъ (которые теперь стали называться свободомыслящими); Бисмарку пришлось искать сближенія съ консерваторами и соотвѣтственно съ этимъ измѣнить свою экономическую политику. Въ первые годы существованія Германской имперіи въ ней господствовала полная экономическая свобода, и иностранные товары не подвергались почти никакому таможенному обложенію. Теперь Бисмаркъ въ угоду консерваторамъ перешелъ къ протекціонизму и ввелъ высокія пошлины на многіе предметы ввоза (между прочимъ, и на хлѣбъ, что имѣло большое значеніе для консервативныхъ землевладѣльцевъ восточной Пруссіи). Новые налоги доставили имперской казнѣ большіе доходы, и общеимперскія власти перестали нуждаться во взносахъ отъ отдѣльныхъ мелкихъ правительствъ. Затѣмъ Бисмаркъ перешелъ къ политикѣ колоніальныхъ захватовъ и завладѣлъ обширными территоріями въ Африкѣ и нѣкоторыми островами въ Тихомъ Океанѣ. Вообще Бисмаркъ стремился высоко держать военный престижъ Германіи, и когда въ 1887 г. рейхстагъ не согласился съ его предложеніемъ повысить численность германской арміи съ 427 т. до 468 т. съ тѣмъ, чтобы эта цифра была установлена на 7 лѣтъ (рейхстагъ вмѣсто 7-милѣтняго предложилъ 3-хлѣтній срокъ), Бисмаркъ его немедленно распустилъ и въ новомъ рейхстагѣ добился своего.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бисмаркъ вступилъ въ новый фазисъ государственной дѣятельности: онъ сталъ «государственнымъ соціалистомъ». Онъ рѣшилъ бороться съ соціализмомъ не только путемъ репрессив-

ныхъ мѣръ, но и путемъ отвлеченія рабочихъ отъ соціалистической пропаганды нѣкоторыми реформами въ пользу трудящихся. Въ 80-хъ годахъ онъ сблизился съ образованнымъ въ 1872 году нѣкоторыми учеными и промышленниками «союзомъ соціальной политики», поставившимъ своей цѣлью побудить государство къ экономическимъ реформамъ на пользу рабочихъ (рабочее законодательство, фабричная инспекція, страхованіе рабочихъ, улучшеніе ихъ жилищъ и т. п.). Дѣятели «союза» (иначе «соціалисты на каѳедрѣ» или «государственные соціалисты») не раздѣляли взглядовъ соціалъ-демократовъ о необходимости коренной ломки общественнаго строя на началахъ уничтоженія частной собственности и водворенія экономическаго равенства и думали ограничиться только частичными реформами въ пользу рабочихъ, которыя бы носили характеръ государственной благотворительности. Бисмаркъ рѣшилъ осуществить нѣкоторые изъ умѣренныхъ требованій соціалъ-политиковъ. Но его дѣятельность въ этомъ отношеніи ограничилась изданіемъ закона, опредѣлявшаго обязательное страхованіе рабочихъ на случай болѣзни, несчастья, старости или неспособности къ труду (1889 г.). Страховой капиталъ былъ образованъ изъ ссуды отъ государства, предпринимательскихъ взносовъ и взносовъ самихъ рабочихъ.

В и л ь г е л ь м ъ II. Въ 1888 г. императоръ Вильгельмъ I умеръ на 91 году жизни, и послѣ трехмѣсячнаго царствованія его больного сына (Фридриха III) на престолъ вступилъ его внукъ Вильгельмъ II. Новый государь былъ человѣкомъ властнаго характера и хотѣлъ быть «своимъ собственнымъ канцлеромъ»; онъ настаивалъ на отмѣнѣ стараго закона, по которому министры не имѣли права дѣлать доклады императору безъ вѣдома пер

ваго министра, ибо видѣлъ въ этомъ ограниченіе своихъ правъ; кромѣ того, онъ не вполнѣ сочувствовалъ и возобновленію исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ, чего добивался Бисмаркъ, и въ туманныхъ фразахъ говорилъ о своемъ намѣреніи начать новую эру «соціальной политики»; Бисмаркъ не безъ основанія видѣлъ въ этихъ высокопарныхъ фразахъ «одну фразеологію». Немудрено поэтому, что молодой императоръ вскорѣ совершенно разошелся со своимъ старымъ канцлеромъ и уже въ 1890 г. далъ ему отставку.

Послѣ разрыва съ Бисмаркомъ характеръ и стремленія молодого императора выяснились съ полной очевидностью. Въ основѣ всего его міровоззрѣнія лежала мысль о необычайныхъ, полученныхъ прямо отъ Бога правахъ германскихъ императоровъ. Эта мысль была его искреннимъ убѣжденіемъ и владѣла имъ съ одинаковой силой какъ въ началѣ его царствованія, такъ и въ послѣдніе годы. Черезъ полтора года послѣ вступленія на престолъ онъ говорилъ: «Каждый государь изъ дома Гогенцоллерновъ глубоко сознаетъ, что онъ всего лишь уполномоченный здѣсь, на землѣ, что онъ обязанъ дать отчетъ въ своей работѣ Высшему Царю и Господину.... Вотъ откуда та непоколебимая воля, съ которой они проводятъ то, что ими однажды предпринято». Черезъ 20 лѣтъ послѣ этого его мысли остаются тѣми же, и въ 1910 году онъ въ одной изъ своихъ рѣчей высказываетъ глубокое убѣжденіе, что Гогенцоллерны получили свою власть «Божьей милостью, а не рѣшеніемъ парламентовъ, національныхъ собраній или плебисцитовъ». Въ виду того, что императоръ никогда не скрывалъ своихъ взглядовъ и даже любилъ ихъ высказывать въ часто произносимыхъ имъ рѣчахъ, среди народа и въ рейхстагѣ нерѣдко возникалъ вопросъ, какъ согласить эти за-

явленія въ самодержавномъ духѣ съ конституціоннымъ строемъ Германіи, которому императоръ присягнулъ въ началѣ своего царствованія. Многіе, принимая во вниманіе бурный темпераментъ Вильгельма II, боялись, что онъ пойдетъ на открытый переворотъ и сдѣлаетъ попытку возстановить въ Германіи самодержавный строй. Его министрамъ поэтому не разъ приходилось отчитываться передъ рейхстагомъ за неосторожныя рѣчи коронованнаго оратора и давать имъ болѣе или менѣе натянутыя объясненія. Однако, несмотря на всѣ симпатіи Вильгельма къ самодержавію, онъ никогда не шелъ на открытый разрывъ съ рейхстагомъ и выбиралъ министровъ изъ людей, которые болѣе или менѣе ловкими парламентскими комбинаціями умѣли привлекать къ себѣ сочувствіе правой половины рейхстага. Въ этомъ сказывается другая черта императора, страннымъ образомъ сочетающаяся съ его симпатіями къ старымъ, отжившимъ порядкамъ. При всей отсталости своего міровоззрѣнія и при всей несдержанности своего характера, Вильгельмъ II —очень практичный человѣкъ, надѣленный большимъ здравымъ смысломъ. Отъ своихъ предковъ онъ унаслѣдовалъ уваженіе къ силѣ, въ чемъ бы она ни проявлялась. Въ послѣдней четверти XIX и въ началѣ XX столѣтія сила въ Германіи находилась въ рукахъ крупной буржуазіи, и Вильгельмъ II стремился съ ней ладить; не порывая дружбы съ консерваторами и стоявшими за ихъ спиной крупными землевладѣльцами («аграріями» и «юнкерами»), Вильгельмъ въ то же время старался привлечь на свою сторону и тѣ парламентскія группы, которыя опирались на крупную буржуазію (націоналъ-либералы, свободные консерваторы и отчасти католики). Не всегда ему удавалось примирить интересы крупныхъ помѣщиковъ съ интересами промышленныхъ «королей»,

и тогда не особенно прочно налаженный союзъ между ними распадался.

Въ такихъ случаяхъ императоръ, несмотря на то, что по своему старозавѣтному міровоззрѣнію ближе подходилъ къ дворянамъ-помѣщикамъ, чѣмъ къ промышленникамъ, обычно скорѣе становился на сторону послѣднихъ, а не первыхъ. Здѣсь въ немъ давало себя знать то чутье дѣйствительности и та практичность, которыя вѣрно подсказывали ему, что будущее Германіи основано на ростѣ ея промышленности и торговли, а не на отживающемъ классѣ дворянъ-помѣщиковъ. Чаще всего ему удавалось однако кое-какъ черезъ своихъ канцлеровъ снова наладить соглашеніе крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ съ дворянами. Онъ видѣлъ опору своего трона въ обоихъ этихъ классахъ и не хотѣлъ порывать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Созданіе соглашенія между торгово-промышленнымъ и дворянско-землевладѣльческимъ классами облегчалось для правительства Вильгельма II двумя обстоятельствами: во-первыхъ, оба эти класса сочувствовали вызывающей внѣшней политикѣ Вильгельма II и поощряли его къ задорно-воинственнымъ выступленіямъ; во-вторыхъ, у обоихъ былъ одинъ и тотъ же врагъ въ лицѣ быстро возроставшей соціалъ-демократической партіи, и наличность общаго врага заставляла ихъ тѣснѣе сплачиваться и забывать о несогласіяхъ въ своей средѣ. Все же эти несогласія давали себя знать время отъ времени, и дворяне, несмотря на всю свою вѣрноподданническую преданность, нерѣдко, когда дѣло касалось ихъ выгодъ, говорили довольно непочтительнымъ языкомъ объ императорѣ и объ его политикѣ, слишкомъ уступчивой, по ихъ мнѣнію, по отношенію къ промышленникамъ и купцамъ.

Внутренняя политика Вильгельма II. Послѣ отставки Бисмарка въ Германіи перемѣнилось четыре канцлера: Каприви, Гогенлоэ, Бюловъ и Бетманъ-Гольвегъ. Самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ было канцлерство Каприви (1890-1894 г. г.).

Молодой императоръ увлекался въ то время мыслью о возможности привлечь на свою сторону рабочихъ благожелательнымъ къ нимъ отношеніемъ. Онъ думалъ, что уступками рабочимъ онъ отвлечетъ ихъ отъ соціалъ-демократіи и сдѣлаетъ ихъ своими послушными и вѣрными подданными. Бисмаркъ не сочувствовалъ этимъ намѣреніямъ императора, но въ новомъ канцлерѣ Вильгельмъ нашелъ довольно искренняго сторонника «соціальной политики». Каприви провелъ черезъ рейхстагъ нѣсколько законовъ въ пользу рабочихъ, которыми были сокращены рабочіе часы въ государственныхъ фабричныхъ предпріятіяхъ, запрещена всюду работа женщинъ въ ночное время, установленъ обязательный воскресный отдыхъ, запрещена фабричная работа для дѣтей моложе 13 лѣтъ и т. п. Цѣль императора однако не была достигнута: рабочихъ на свою сторону онъ не привлекъ, ибо они продолжали не довѣрять императору и его либеральному канцлеру, и число приверженцевъ соціалъ-демократіи среди рабочихъ продолжало расти. Поэтому императоръ и самъ скоро охладѣлъ къ соціальному законодательству; вслѣдствіе этого ничего особенно существеннаго въ пользу рабочихъ имъ сдѣлано не было, и это только укрѣпило рабочихъ въ ихъ мнѣніи, что отъ правительства Вильгельма II они не получатъ для себя ничего хорошаго.

Другой либеральною мѣрою Каприви было заключеніе торговыхъ договоровъ съ иноземными государствами

(Австро-Венгріей, Италіей, Швейцаріей, Бельгіей, Румыніей, Сербіей, Испаніей и—позднѣе всего, въ 1894 году—съ Россіей), по которымъ были значительно понижены таможенныя пошлины для товаровъ, ввозимыхъ въ Германію; вмѣстѣ съ тѣмъ Германія выговорила для себя и довольно свободный вывозъ своихъ товаровъ за-границу. Это былъ отказъ отъ протекціонизма послѣднихъ годовъ правленія Бисмарка и возвращеніе къ системѣ свободной торговли. Буржуазія была этимъ довольна,—такъ какъ нѣмецкая промышленность къ концу XIX вѣка успѣла настолько окрѣпнуть, что иностранная конкуренція на внутреннемъ германскомъ рынкѣ ей уже не была страшна, а свободный вывозъ нѣмецкихъ товаровъ за-границу открывалъ ей возможность дальнѣйшаго роста и процвѣтанія. Поэтому вся буржуазія, вплоть до свободомыслящихъ, стала рѣшительно на сторону либеральнаго канцлера и поддерживала его въ рейхстагѣ. Зато землевладѣльцы были очень недовольны: низкія пошлины открывали ворота для ввоза въ Германію дешеваго русскаго хлѣба, и помѣщики должны были теперь сбавить цѣны и на свой хлѣбъ. Свой гнѣвъ землевладѣльцы обратили, конечно, противъ Каприви и употребили всѣ усилія, чтобы его свалить. На свою сторону имъ удалось привлечь и католиковъ, которые были недовольны канцлеромъ за то, что онъ не особенно усердно защищалъ ихъ стремленія забрать въ свои руки школьное дѣло въ Пруссіи. Императоръ также успѣлъ уже разочароваться въ Каприви: онъ начиналъ приходить къ мысли, что съ соціалъ-демократіей надо бороться не уступками въ пользу рабочихъ, а крутыми рѣшительными мѣрами. Но для этого Каприви уже не годился, и онъ далъ ему отставку.

Преемникомъ Каприви былъ назначенъ князь Гоген-

лоэ (1894-1900 г. г.). Это былъ дряхлый 75-ти-лѣтній старикъ, плохой ораторъ и ненаходчивый политикъ; его главнымъ достоинствомъ въ глазахъ Вильгельма была безграничная угодливость и готовность приспособляться ко всему. Въ рейхстагѣ онъ сталъ опираться, съ одной стороны, на консерваторовъ (аграріевъ), а съ другой—на католиковъ (партія центра). Союзъ съ либералами былъ разорванъ. Программой новаго канцлера была борьба съ соціалъ-демократами, покровительство аграріямъ (безъ разрыва, однако, съ представителями промышленнаго міра), освобожденіе церкви отъ контроля государства и усиленіе военныхъ средствъ государства. Однако рейхстагъ былъ мало склоненъ итти за программой Гогенлоэ. Проектъ вождя аграріевъ, графа Каница, имѣвшій въ виду обезпечить землевладѣльцамъ минимальныя цѣны на хлѣбъ, былъ провалень въ рейхстагѣ; такая же судьба постигла и законопроекты, направленные противъ соціалъ-демократовъ и предлагавшіе установить строгія наказанія за нападки на монархію, бракъ, собственность и семью и за насильственныя мѣры противъ забастовщиковъ, которые бы стали мѣшать желающимъ работать. Также не прошелъ и благопріятный для католиковъ проектъ, имѣвшій въ виду установить почти полную свободу для дѣятельности религіозныхъ обществъ. Изъ важныхъ мѣръ канцлеру удалось только провести новый обще-имперскій гражданскій кодексъ, плотнѣе связавшій разныя части имперіи другъ съ другомъ, и, кромѣ того, осуществить прорытіе Кильскаго канала, связавшаго Балтійское море съ Нѣмецкимъ. Во всемъ же остальномъ на канцлерствѣ Гогенлоэ лежала печать почти полнаго безплодія. Онъ не обнаруживалъ большого умѣнія устраивать искусные парламентскіе сою-

зы между партіями, да это было и трудно при общемъ направленіи его политики: консерваторы, на которыхъ онъ главнымъ образомъ опирался, были слишкомъ малочисленны въ рейхстагѣ и почти съ каждыми выборами уменьшались въ числѣ; католическій центръ (въ то время онъ былъ самой многочисленной партіей) былъ слишкомъ требователенъ и, убѣдившись, что канцлеръ мало можетъ сдѣлать для католиковъ, не особенно охотно его поддерживалъ; остальныя же партіи держались враждебно къ направленію дѣятельности канцлера. Скоро и самъ императоръ убѣдился, что дряхлѣвшій и малоспособный канцлеръ не годится для задачъ, выдвигаемыхъ новымъ временемъ, и рѣшилъ избрать ему на смѣну болѣе молодого и болѣе способнаго министра.

Новымъ канцлеромъ былъ назначенъ графъ Бюловъ (1900-1909 г. г.). Это былъ энергичный и рѣшительный человѣкъ, обладавшій прекраснымъ даромъ слова и умѣвшій ловко лавировать между разными общественными направленіями. Первые годы своего канцлерства онъ опирался на тѣ же партіи, что и Гогенлоэ: на католическій центръ и на консерваторовъ; но онъ обнаружилъ гораздо болѣе умѣнія въ привлеченіи на свою сторону колеблющихся, и для аграріевъ, къ которымъ больше всего лежала его душа, онъ успѣлъ сдѣлать довольно много. Въ спорѣ между промышленниками и землевладѣльцами онъ гораздо болѣе рѣшительно чѣмъ Гогенлоэ, сталъ на сторону аграріевъ. Онъ находилъ, что въ его время германская промышленность чрезмѣрно усилилась за счетъ земледѣлья, и что, «если бы ничего не было сдѣлано въ защиту земледѣлья, то ему угрожало бы пасть подъ молотомъ промышленности и быть имъ раздавленнымъ». Съ мѣрами въ поль

зу землевладѣнія онъ и поспѣшилъ. Императоръ давно уже носился съ мыслью о соединеніи Эльбы и Рейна каналомъ; этотъ каналъ долженъ былъ создать дешевый водный путь между западомъ и востокомъ Пруссіи и этимъ способствовать дальнѣйшему развитію нѣмецкой торговли и промышленности. Но для аграріевъ проведеніе канала было рѣшительно невыгоднымъ, ибо онъ создавалъ новый путь для ввоза заграничнаго хлѣба въ Восточную Пруссію (именно, водный путь изъ Америки черезъ Нѣмецкое море и дальше черезъ Рейнъ и его притоки до восточной половины прусскаго королевства). Поэтому аграріи, которые въ прусской палатѣ депутатовъ (ландтагѣ) были очень вліятельной партіей, дважды отклоняли его. Тогда Бюловъ поручилъ новому прусскому министру финансовъ (фонъ-Рейнбабену) переработать законопроектъ о каналѣ, послѣ чего даже аграріи нашли его для себя пріемлемымъ. Именно въ своемъ переработанномъ видѣ проектъ предполагалъ не доводить каналъ до Эльбы, благодаря чему онъ оказывался совершенно безвреднымъ для восточно-прусскихъ аграріевъ. Такой законопроектъ нашелъ для себя возможнымъ принять даже и консервативный прусскій ландтагъ (1905 г.).

Другая—и при томъ болѣе важная—уступка юнкерамъ выразилась въ пересмотрѣ заключенныхъ при Каприви торговыхъ договоровъ съ иноземными государствами. Аграріи уже давно роптали на то, что сравнительно свободный ввозъ дешеваго хлѣба изъ Россіи и Соединенныхъ Штатовъ обезцѣнилъ на внутреннемъ рынкѣ Германіи мѣстный хлѣбъ; они уже давно добивались повышенія таможенныхъ ставокъ на ввозной хлѣбъ. Уступая ихъ домогательствамъ, Бюловъ провелъ въ 1902 году новый тарифъ, значительно возвы-

шавшій пошлины на привозимое изъ-за границы сырье. На основѣ этого тарифа въ 1904 году былъ заключенъ новый торговый договоръ съ Россіей. Онъ былъ очень невыгоденъ для Россіи, такъ какъ затруднялъ вывозъ избыточнаго русскаго хлѣба, но у Россіи тогда была война съ Японіей, и ей пришлось согласиться на этотъ договоръ, такъ какъ иначе Германія грозила своимъ вмѣшательствомъ въ войну. Труднѣе было добиться согласія на договоръ со стороны Соединенныхъ Штатовъ Америки; они уступили только послѣ долгихъ переговоровъ (1907 г.). Конечно, за повышеніе пошлины на вывозимые изъ этихъ государствъ товары они отплатили тѣмъ, что съ своей стороны подняли ставки на германскій ввозъ, т.-е. на издѣлія германской промышленности. За это пришлось расплачиваться германскимъ промышленникамъ, и, конечно, они не могли чувствовать къ Бюлову благодарности за то, что интересы аграріевъ онъ поставилъ выше ихъ интересовъ.

Такой же ярко консервативный характеръ носила политика Бюлова и по отношенію къ полякамъ. Гоненія на поляковъ шли съ очень давняго времени, и только либеральное канцлерство Каприви доставило имъ нѣкоторое облегченіе. Бюловъ однако превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣхъ своихъ предшественниковъ. Еще при Бисмаркѣ въ Пруссіи была основана особая Колонизаціонная комиссія, которая ставила своей цѣлью скупку земель у поляковъ и передачу ихъ въ руки лицъ нѣмецкой національности; но поляки неохотно продавали свои земли, и Колонизаціонной комиссіи приходилось скупать земли у нѣмцевъ для перепродажи ихъ нѣмцамъ же. Наоборотъ, основанный поляками земельный банкъ скупалъ довольно удачно земли у нѣмцевъ и затѣмъ продавалъ ихъ мелкими участка-

ми польскимъ крестьянамъ. Бюловъ нашелъ такое положеніе дѣла нетерпимымъ. Онъ потребовалъ новыхъ огромныхъ кредитовъ въ распоряженіе Колонизаціонной комиссіи, но такъ какъ поляки и за повышенную противъ рыночной цѣну неохотно продавали свои земли, то онъ провелъ черезъ ландтагъ законъ, по которому правительство получило право при нѣкоторыхъ условіяхъ принудительно отчуждать у поляковъ земли за извѣстное вознагражденіе. Кромѣ того, покупкѣ поляками нѣмецкихъ земель стали ставиться всяческія стѣсненія: отъ покупателей поляковъ требовали хорошей аттестаціи отъ мѣстныхъ властей, которая имъ почти никогда не давалась. Такими мѣрами польское землевладѣніе было почти задавлено, и поляки поставлены почти внѣ закона.

Энергично отстаивая интересы аграріевъ, Бюловъ гораздо меньше заботился о другой группѣ своихъ союзниковъ—католиковъ. Онъ провелъ въ ихъ пользу только одинъ незначительный законъ, нѣсколько ослаблявшій гоненія на іезуитовъ. Католикамъ, конечно, этого было мало, и они стали ставить канцлеру препятствія въ его воинственной политикѣ. Въ 1906 году они высказались за сокращеніе въ кредитахъ, потребованныхъ правительствомъ для подавленія готтентотскаго возстанія въ Африкѣ, и благодаря этому кредиты были отклонены. Тогда канцлеръ рѣшилъ порвать съ партіей центра и сталъ искать новыхъ союзниковъ (1906 г.).

Онъ рѣшилъ объединить консерваторовъ, націоналъ-либераловъ и свободомыслящихъ. Почвой, на которой они должны были объединиться, должно было стать, съ одной стороны, продолженіе аггрессивной (наступательной) внѣшней политики, а съ другой—общая борьба противъ соціалъ-демократовъ. Непрерывный ростъ соціалъ-

демократической партіи настолько напугалъ нѣмецкихъ либераловъ, что они готовы были на союзъ даже съ консерваторами противъ соціалистовъ.

Благодаря этому союзу на выборахъ 1907 года имъ удалось понизить число соціалъ-демократическихъ депутатовъ почти вдвое (съ 81 до 46), причемъ за счетъ соціалъ-демократовъ усилились какъ свободомыслящіе, такъ и консерваторы. За союзъ съ свободомыслящими канцлеръ долженъ былъ обѣщать имъ болѣе либеральные законы о собраніяхъ и союзахъ, налогъ на имущества, переходящія по наслѣдству, а главное — реформу прусскаго избирательнаго права, которое по старому трехклассному закону (1849 г.) принадлежало главнымъ образомъ состоятельнымъ классамъ населенія. Изъ этихъ обѣщаній канцлеру удалось однако провести только довольно умѣренный общеимперскій о законъ союзахъ и собраніяхъ (1908 г.), который значительно улучшалъ дѣло въ Пруссіи и Саксоніи, но зато для Вюртемберга и нѣкоторыхъ мелкихъ государствъ былъ шагомъ назадъ.

Реформу же избирательнаго права въ Пруссіи Бюловъ всячески оттягивалъ; когда же свободомыслящіе стали ему настойчиво напоминать о данномъ обѣщаніи, онъ далъ свое согласіе на такія незначительныя измѣненія въ избирательномъ законѣ, что въ нихъ нельзя было усмотрѣть ничего другого, кромѣ отказа отъ исполненія принятаго ранѣе обязательства (1908 г.). Это было уже началомъ распаденія союза между консерваторами и либералами. Окончательно же доконалъ его проектъ налога на наслѣдства. Въ ноябрѣ 1908 года правительство внесло въ рейхстагъ проектъ финансовой реформы, въ которомъ среди другихъ новыхъ налоговъ предлагался и налогъ на наслѣдства, долженъ-

ствовавшій дать казнѣ почти сто милліоновъ марокъ. Консерваторы однако ни за что не хотѣли дать согласіе на этотъ налогъ, ибо видѣли въ немъ покушеніе на священное право собственности. Для того, чтобы провалить налогъ, они рѣшили разорвать съ либералами и вступили въ соглашеніе съ католическимъ центромъ. Благодаря этому налогъ былъ отвергнутъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибло и дѣтище Бюлова—консервативно-либеральный блокъ. Для канцлера это было тяжелымъ ударомъ, и онъ рѣшилъ подать въ отставку (1909 г.). Его отставка была принята императоромъ безъ возраженія, такъ какъ Вильгельму союзъ съ либералами былъ совсѣмъ не по душѣ.

На его мѣсто императоръ назначилъ типичнаго прусскаго бюрократа, человѣка безъ блестящихъ способностей, но трудоспособнаго, довольно образованнаго и осторожнаго—Теобальда Бетманъ-Гольвега, который остается канцлеромъ въ Германіи и до нашихъ дней. Новый канцлеръ прежде всего вернулся къ союзу съ консерваторами и католиками. Въ угоду консерваторамъ и клерикаламъ цѣлый рядъ министровъ былъ смѣщенъ, и на нихъ мѣсто были назначены чиновники изъ аграріевъ (баронъ Шорлемеръ, фонъ-Дальвицъ, фонъ Лепце, Киндерленъ-Вехтеръ). По отношенію къ императору Бетманъ-Гольвегъ оказался очень покладистымъ канцлеромъ: Бюловъ бывалъ иногда недоволенъ, когда императоръ велъ себя, какъ самодержавный монархъ, и однажды въ рейхстагѣ даже призналъ въ скрытой формѣ, что императоръ ведетъ себя слишкомъ несдержанно въ своихъ публичныхъ рѣчахъ и далъ за него слово, что впередъ этого не будетъ (1908), Бетманъ-Гольвегъ такихъ непріятныхъ минутъ императору никогда не доставлялъ. Когда Вильгельмъ и при немъ загово-

рилъ открыто въ самодержавномъ духѣ, то канцлеръ рѣшительно сталъ на сторону императора и заявилъ въ рейхстагѣ, что «не народъ создалъ прусское королевство, а Гогенцоллерны». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, отвѣчая на нападки соціалъ-демократовъ, онъ выразился еще болѣе рѣзко: «я служу не парламенту, а стараюсь служить по мѣрѣ силъ своихъ императору и имперіи». При такомъ отношеніи къ парламенту у канцлера не могло быть съ нимъ хорошихъ отношеній,—тѣмъ болѣе, что выборы 1912 года значительно сократили число консерваторовъ и католиковъ въ рейхстагѣ и, наоборотъ, очень усилили соціалъ-демократовъ. Канцлеру не разъ приходилось выслушивать рѣзкое осужденіе своей политикѣ и иногда дѣло доходило до острыхъ столкновеній его съ рейхстагомъ; но такъ какъ по имперской конституціи министры въ Германіи отвѣчаютъ за свои дѣйствія лишь передъ императоромъ, то скрытыя и даже открытыя выраженія недовѣрія канцлеру рейхстагомъ проходили для него безслѣдно, и онъ продолжалъ оставаться у власти. Только въ вопросахъ внѣшней политики рейхстагъ, напуганный все возраставшей враждой съ Англіей и цѣлымъ рядомъ столкновеній съ Франціей (изъ-за Марокко) и съ Россіей (изъ-за балканскихъ дѣлъ), поддерживалъ канцлера и давалъ почти безъ сопротивленія деньги на все увеличивавшіеся морскіе и военные расходы. Внутренняя же дѣятельность Бетманъ-Гольвега при его открытомъ расхожденіи съ большинствомъ рейхстага не могла принесть никакихъ плодовъ и была почти парализована; сколько-нибудь важныхъ реформъ при немъ проведено не было. Самою значительною реформою въ его канцлерство было введеніе конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи, причемъ однако вся старая адми-

нистрація осталась на мѣстахъ и сохранила свои права, а офицеры продолжали себя вести въ этой области, какъ въ завоеванной мѣстности. Только Великая война дала нѣкоторый толчокъ къ реформаторской дѣятельности германскаго правительства и заставила его вступить на новый путь.

Соціализмъ въ концѣ XIX вѣка. Нѣмецкіе рабочіе не были привлечены къ правительству ни соціальной политикой Бисмарка, ни туманными обѣщаніями первыхъ годовъ царствованія Вильгельма II. Они видѣли въ нихъ только приманку, которая, въ сущности, мало измѣняетъ условія труда, и остались вѣрны соціализму. Какъ только были отмѣнены исключительные законы (въ 1890 г., съ уходомъ Бисмарка въ отставку), начался быстрый ростъ соціалъ-демократической партіи. На выборахъ 1890 года они получили 35 депутатскихъ мѣстъ, въ 1893 г.—44, въ 1898 г.—57 и въ 190. г.—80; на выборахъ 1907 года число соціалъ-демократовъ упало до 46, вслѣдствіе того, что для борьбы съ ними заключили блокъ всѣ буржуазныя партіи, но уже на слѣдующихъ выборахъ 1912 года они получили 110 мѣстъ и стали самой многочисленной партіей въ рейхстагѣ. Количество голосовъ, поданныхъ за нихъ на выборахъ 1912 года, равнялось четыремъ съ половиной милліоновъ (изъ восьми съ половиной милліоновъ всѣхъ избирателей Германіи). Такимъ образомъ въ Германіи образовалась самая сильная въ сравненіи съ другими европейскими государствами соціалистическая партія. Ея ростъ стоитъ въ связи съ быстрымъ развитіемъ торговли и промышленности въ Германіи.

Параллельно съ ростомъ голосовъ, подаваемыхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, въ Германіи, растетъ и профессіональная организація рабочихъ. Ростъ рабо-

чихъ организацій, преслѣдующихъ улучшеніе экономическаго положенія пролетаріата, падаетъ главнымъ образомъ на самое послѣднее время. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ Германіи было только 50 тысячъ рабочихъ, организованныхъ въ профессіональные союзы, въ 1890 году ихъ было уже болѣе 200 тысячъ, а въ исходѣ перваго десятилѣтія XX вѣка ихъ число поднялось до внушительной цифры въ три милліона.

На другой годъ послѣ отмѣны исключительныхъ законовъ, въ 1891 г., на съѣздѣ въ Эрфуртѣ была пересмотрѣна программа (готская) соціалъ-демократической партіи. Требованія соціалъ-демократіи были въ ней подробнѣе разработаны и дополнены (напр., введено требованіе избирательнаго права и для женщинъ, пропорціональной системы выборовъ, перераспредѣленія избирательныхъ округовъ послѣ каждой народной переписи, вознагражденія депутатамъ и т. п.), но основныя черты марксизма въ эрфуртской программѣ остались въ полной неприкосновенности. Эрфуртская программа была проникнута вѣрой въ скорую побѣду соціализма, въ близкое торжество соціалистическаго строя съ полной отмѣной частной собственности, обобществленіемъ всѣхъ орудій производства и съ наступленіемъ всеобщаго братства народовъ. Это должно было наложить печать и на тактику соціалъ-демократической партіи. Разъ близокъ былъ соціальный переворотъ, то никакихъ частичныхъ поправокъ къ старому строю не требовалось: онъ все равно весь цѣликомъ въ скоромъ времени долженъ былъ рухнуть. Это дѣлало нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ непримиримыми, поддерживало въ нихъ революціонное настроеніе, заставляло ихъ отказываться отъ союза со всѣми либеральными партіями и не принимать никакихъ соціальныхъ реформъ изъ рукъ «бур-

жуазнаго» рейхстага. Но уже въ 90-хъ годахъ среди нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ появились сомнѣнія въ близости соціальной революціи. Въ наиболѣе опредѣленной формѣ эти сомнѣнія выразилъ соціалъ-демократъ Эд. Бернштейнъ въ книгѣ «Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи». Онъ доказывалъ въ этой книгѣ, что экономическое неравенство не увеличивается, а, наоборотъ, съ теченіемъ времени сглаживается, и что поэтому превращеніе капиталистическаго строя въ соціалистическій должно наступить путемъ постепенныхъ реформъ, а не революціоннаго переворота. Поэтому Бернштейнъ рекомендовалъ не отказываться отъ частичныхъ улучшеній въ положеніи рабочаго класса и брать отъ другихъ партій, хотя бы и буржуазныхъ, тѣ реформы, которыя могутъ быть выгодны для пролетаріата. У Бернштейна оказались сторонники (Фольмаръ, Шиппель и др.), но большинство партіи (между ними Каутскій, Бебель, Либкнехтъ) отнеслось къ нему враждебно.

На съѣздѣ партіи (партейтагѣ) въ Ганноверѣ (1899 г.) и на слѣдующихъ съѣздахъ уже въ XX вѣкѣ принимались резолюціи, подчеркивавшія непримиримо-классовую позицію соціалъ-демократіи. Въ соотвѣтствіи съ ними не разъ подтверждалось, что «партія не видитъ основаній мѣнять свои принципы, тактику и названіе». Но, занявъ непримиримую позицію въ теоріи, соціалъ-демократы на практикѣ принуждены были дѣлать значительныя уступки существующему положенію вещей. Постепенно они втягивались въ повседневную практическую работу, неизмѣнно поддерживали частичныя реформы направленныя къ улученію участи рабочихъ, и, вынося по-прежнему непримиримыя резолюціи на съѣздахъ, на дѣлѣ становились не революціонной парті-

ей, а партіей соціальныхъ реформъ, чѣмъ и предлагалъ имъ сдѣлаться Бернштейнъ. Уступки въ вопросѣ объ участіи въ обычной законодательной работѣ скоро привели къ тому, что соціалъ-демократы согласились войти въ составъ президіума рейхстага, и одинъ изъ вождей партіи, Шейдеманъ, сталъ товарищемъ предсѣдателя рейхстага. Съ начала Великой войны соціалъ-демократы отказались отъ своего прежняго противодѣйствія воинственнымъ цѣлямъ германской политики и, за исключеніемъ очень небольшой группы (Карлъ Либкнехтъ, Францъ Мерингъ, Роза Люксембургъ), стали довольно рѣшительно поддерживать правительство въ его борьбѣ съ нами и нашими союзниками.

Конституція въ 1861 г. въ Австріи и образованіе дуалистической монархіи. Абсолютизмъ, возстановленный въ Австріи въ 1849 году, не могъ здѣсь долго продержаться. Внѣшнія неудачи, постигшія Австрію въ 1859 г., побудили австрійское правительство взяться за реорганизацію арміи. Это вызвало большіе расходы, и для покрытія ихъ правительству пришлось выпустить значительный внутренній заемъ. Но тутъ обнаружилось, что у общества нѣтъ довѣрія къ правительству; выпущенный заемъ не былъ покрытъ даже и на одну треть. Тогда правительство само было вынуждено признать, что старая система управленія нуждается въ коренной реформѣ, и 26 февраля 1861 года въ Австріи была объявлена конституція; но эта конституція была еще менѣе справедливой, чѣмъ прусская. Всѣ избиратели въ парламентъ (рейхсратъ) были раздѣлены на четыре куріи: землевладѣльцевъ, торговыхъ палатъ, горожанъ и крестьянъ, при чемъ огромный перевѣсъ имѣли землевладѣльцы и денежная аристократія; въ то время какъ въ первой куріи одинъ депутатъ вы-

бирался 64 избирателями, а во второй—26, въ крестьянской куріи одинъ депутатъ приходился на 12.300 избирателей.

Эта конституція вызвала противъ себя сильное недовольство среди венгровъ. Хотя они получили по конституціи 1861 года довольно широкія полномочія въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ, но они добивались превращенія Венгріи въ независимое королевство; поэтому венгры отказались признать конституцію 1861 года и производить по ней выборы, отказались платить налоги и повиноваться австрійскимъ судамъ. Правительственные циркуляры венгерскія власти не исполняли и откидывали въ сторону «съ соблюденіемъ должнаго уваженія». Имперское правительство было безсильно бороться съ этимъ движеніемъ и принуждено было уступить. По соглашенію 1867 года монархія Габсбурговъ получила названіе Австро-Венгріи и превратилась въ союзъ двухъ государствъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ свою столицу, свой парламентъ, своихъ министровъ, свои законы и свой національный языкъ; общими у нихъ были только государь, а также внѣшнія сношенія, военное и морское дѣло и изысканіе средствъ для покрытія общихъ расходовъ. Эти дѣла поручались общеимперскимъ министрамъ, отвѣтственнымъ передъ обоими парламентами. Доля каждаго государства въ общихъ расходахъ опредѣлялась путемъ соглашенія между делегаціями (выборными въ числѣ 60 человѣкъ отъ каждаго парламента).

Конституція 1861 г. и соглашеніе 1867 г. не удовлетворяли ни либераловъ, которыхъ особенно много было среди нѣмецкаго бюргерства, требовавшаго расширенія избирательнаго права, ни многочисленныхъ славянскихъ народностей, входившихъ въ составъ Австріи

и Венгріи и желавшихъ большей независимости отъ двухъ господствующихъ націй—нѣмцевъ и мадьяръ. Но такъ какъ въ славянскихъ земляхъ низшіе слои народа не принимали участія въ политической жизни, то тамъ за защиту національныхъ правъ взялась землевладѣльческая аристократія; это сообщило національному движенію славянъ консервативный характеръ и помѣшало союзу между нѣмецкими либералами (которые всегда были противниками широкой мѣстной автономіи) и защитниками правъ угнетенныхъ славянскихъ народностей. Поэтому правительства въ Австріи и Венгріи имѣли возможность бороться противъ требованій мѣстной автономіи, опираясь на либераловъ, и противъ либераловъ, опираясь на славянъ,—и не дѣлать серьезныхъ уступокъ ни тѣмъ, ни другимъ, ограничиваясь только частичными поправками къ старымъ порядкамъ. Изъ этихъ поправокъ особенное значеніе имѣла избирательная реформа 1896 года, вводившая въ Австріи наряду съ прежними четырьмя куріями еще пятую, съ выборами по системѣ всеобщаго избирательнаго права; но введеніе избирательнаго права въ такой формѣ не могло содѣйствовать демократизаціи австрійскаго представительства, такъ какъ число избираемыхъ всеобщимъ голосованіемъ депутатовъ бы о слишкомъ незначительно (72).

Послѣдніе годы. Въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка національная вражда въ Австро-Венгріи особенно обострилась. Прежде всего, довольно упорная борьба шла между двумя большими половинами имперіи—Австріей и Венгріей. Венгрія добивалась большей самостоятельности отъ Австріи,—главнымъ образомъ права имѣть свое особое войско; венгерскіе промышленники хотѣли также добиться и экономическаго обособленія Венгріи отъ Австріи и отгородиться отъ послѣдней вы-

сокими таможенными пошлинами. Но промышленный классъ не имѣетъ въ Венгріи большого вліянія; Венгрія—страна земледѣльческая по преимуществу, и наиболѣе вліятельнымъ классомъ въ ней до послѣдняго времени остается землевладѣльческое дворянство. Для венгерскихъ же землевладѣльцевъ очень важно оставить свободной отъ таможенныхъ преградъ границу между обѣими половинами имперіи, ибо ихъ хлѣбъ находитъ себѣ главный сбытъ въ промышленной и нуждающей въ ввозѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ Австріи Для Австріи, страны съ большимъ количествомъ фабрикъ и заводовъ, также важно сохранить открытой таможенную границу съ Венгріей, чтобы обезпечить себѣ свободный вывозъ туда своихъ промышленныхъ издѣлій, въ которыхъ Венгрія въ большой степени нуждается. Поэтому, хотя руководимая Францемъ Кошутомъ (сыномъ революціонера 1848 года) «венгерская партія независимости» упорно добивалась одно время экономическаго отдѣленія Венгріи отъ Австріи, въ странѣ среди наиболѣе вліятельныхъ круговъ населенія мысль о такомъ отдѣленіи не пользуется сочувствіемъ. Тѣмъ не менѣе по вопросу объ особой венгерской арміи и о введеніи въ венгерскихъ войскахъ обученія на мадьярскомъ языкѣ (пока армія оставалась общеимперской, въ ней было принято обучать новобранцевъ на ихъ родныхъ языкахъ) между обѣими половинами монархіи въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка шла упорная вражда, осложнявшаяся иногда и нѣкоторыми другими второстепенными вопросами. Борьба эта доходила нерѣдко до необычайнаго обостренія. Враждебныя Австріи партіи въ венгерскомъ сеймѣ обращались къ населенію съ приглашеніемъ не платить налоговъ и не давать солдатъ; въ отдѣльныхъ провинціяхъ (комитатахъ) Вен-

гріи дѣло доходило нерѣдко до открытаго сопротивленія властямъ. Работа въ парламентѣ стала совершенно невозможной изъ-за постоянно происходившихъ тамъ столкновеній между депутатами, нерѣдко переходившихъ въ скандалы и даже драки. Въ 1905 и въ слѣдующіе годы въ венгерскомъ управленіи начался хаосъ. Но, къ счастью для императора, оппозиціонныя Австріи партіи въ венгерскомъ сеймѣ не имѣли опоры въ народныхъ массахъ; депутаты сейма принадлежали къ аристократическимъ слоямъ населенія и боялись всякой избирательной реформы, которая могла бы вырвать вліяніе изъ ихъ рукъ. Поэтому въ рукахъ императора было всегда сильное оружіе противъ венгерской оппозиціи въ видѣ угрозы измѣнить избирательный законъ и допустить къ участію въ выборахъ болѣе широкіе слои населенія. Народныя массы съ своей стороны требовали введенія въ Венгріи всеобщаго избирательнаго права и нерѣдко подкрѣпляли свои требованія забастовками (особенно большія размѣры приняли волненія рабочихъ весной 1912 года).

Подъ угрозой введенія въ Венгріи всеобщаго избирательнаго права венгерскій сеймъ сталъ болѣе уступчивымъ, на выборахъ 1910 года перевѣсъ получила партія, стоявшая за необходимость соглашенія съ Австріей по военному и другимъ вопросамъ; назначенное Францемъ-Іосифомъ министерство Лукача получило согласіе на наборъ войскъ на прежнихъ основаніяхъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе нѣсколькихъ десятковъ непримиримыхъ депутатовъ. Сеймъ даже далъ согласіе на измѣненіе избирательнаго закона (1912 г.), по которому число избирателей было повышено почти вдвое (съ шести процентовъ населенія до десяти съ половиной), но сохраненъ довольно высокій имущественный и возра-

стный (30 лѣтъ) цензъ. Избирательный законъ 1912 года никого не удовлетворилъ въ Венгріи; демократія продолжала требовать введенія всеобщаго избирательнаго права и грозила всеобщей стачкой. Парламентская жизнь Венгріи также не стало спокойно послѣ принятія этого закона; непримиримые противники сближенія съ Австріей продолжали обструкцію въ сеймѣ, доходившую до дракъ и даже стрѣльбы изъ револьверовъ во время засѣданій; правительство боролось съ этимъ, вводя въ зданіе парламента полицію и войска, которыя выносили буйствовавшихъ депутатовъ на рукахъ. Все показывало, что дуалистическая (т.е. основанная на соединеніи двухъ государствъ) форма правленія переживаетъ въ Австро-Венгріи глубокій кризисъ.

Помимо борьбы между Австріей и Венгріей въ каждой изъ половинъ имперіи шла своя борьба между населявшими ее народностями. Въ XX вѣкѣ эта борьба достигла также необычайной степени остроты. Особенно упорный характеръ приняла борьба славянъ противъ господствующей нѣмецкой національности въ Австріи. Австрійскіе славяне (поляки и чехи) въ общемъ культурнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ славяне (хорваты и сербы) и румыны въ Венгріи; поэтому они ведутъ съ большей энергіей борьбу противъ нѣмцевъ въ Австріи, чѣмъ венгерскіе «инородцы» противъ господствующей въ Венгріи мадьярской національности. Въ началѣ XX вѣка министерству Кербера, державшемуся у власти 5 лѣтъ (1900 1905 гг.), удалось внести нѣкоторое успокоеніе въ національную и партійную борьбу. Керберъ былъ довольно талантливымъ политикомъ, съ широкимъ взглядомъ на управленіе; онъ установилъ въ Австріи относительную свободу печати и собраній, сталъ приглашать на высшія мѣста не титулованныхъ аристократовъ, какъ

это было принято въ Австріи, а просто способныхъ людей.

Въ вопросѣ о правахъ національностей онъ держался взгляда, что надо добиваться соглашеній между борющимися націями, не злоупотребляя правомъ сильнаго и, по возможности, удовлетворяя культурныя и экономическія нужды каждой націи. Онъ началъ съ Чехіи и предложилъ законъ (1900 г.), по которому чешскій языкъ долженъ былъ быть введенъ для дѣлопроизводства въ тѣхъ округахъ, гдѣ населеніе чешское, нѣмецкій— гдѣ населеніе нѣмецкое, и оба языка— гдѣ населеніе смѣшанное. Но его обращеніе къ миру между націями не встрѣтило поддержки ни въ австрійскомъ рейхсратѣ, ни въ чешскомъ сеймѣ; непримиримые нѣмцы и чехи и слышать не хотѣли о взаимныхъ уступкахъ, и Керберу приходилось дважды (1900 и 1905 гг.) распускать рейхсратъ. Послѣ второго роспуска онъ, разочаровавшись въ возможности успокоить національную борьбу и не пользуясь ужъ довѣріемъ самого императора, ушелъ въ отставку.

Передовые люди Австріи начинали склоняться къ мысли, что, для улаженія національныхъ споровъ и для открытія дороги къ плодотворной парламентской дѣятельности, въ Австріи необходимо ввести всеобщее избирательное право. Тогда, думали они, въ Австріи вмѣсто прежнихъ національныхъ партій, ведущихъ между собой безплодную борьбу въ рейхсратѣ, образуются политическія партіи на общеевропейскій образецъ и установится возможность вести плодотворную экономическую, культурную и соціальную работу. Еще Керберъ поставилъ на очередь въ рейхсратѣ реформы въ области сельскаго хозяйства и промышленности, улучшеніе путей сообщенія, страхованіе рабочихъ на разные

случаи, постройку жилищъ для рабочихъ и т. п., по упорная національная борьба заполняла парламентскія засѣданія только скандальными столкновеніями между депутатами разныхъ національностей и не позволяла ступить шагу по пути полезныхъ и необходимыхъ для страны реформъ. Всеобщее избирательное право, по мнѣнію и нѣкоторыхъ австрійскихъ министровъ (въ томъ числѣ и Кербера), должно было оздоровить парламентскую жизнь Австріи. Рабочіе, находившіеся въ значительной степени подъ вліяніемъ русскихъ событій 1905 года, также настаивали на введеніи всеобщаго избирательнаго права и готовились уже приступить для осуществленія своего требованія къ всеобщей политической забастовкѣ, когда правительство объявило, что оно согласно на всеобщее избирательное право (1905 г.).

Въ 1906 году послѣ довольно сложныхъ переговоровъ между различными населяющими Австрію національностями всеобщее избирательное право было, наконецъ, введено (въ министерство Бека). На первыхъ порахъ ожиданія сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права оправдались. Въ рейхсратѣ, выбранномъ на основѣ новаго закона, національныя различія отступили на задній планъ, и образовались политическія партіи классового характера (аграріи, клерикалы, буржуазные либералы, соціалъ-демократы и др.). Несмотря на довольно большое количество мѣстъ (87), завоеванныхъ соціалъ-демократами, большинство въ рейхсратѣ получили аграріи и клерикалы, и рейхсратъ пріобрѣлъ умѣренно-консервативный характеръ. Министръ-президентъ Бекъ, человѣкъ благоразумный и способный, готовился внести въ рейхсратъ для обсужденія цѣлый рядъ важныхъ и полезныхъ реформъ, пригласилъ къ себѣ въ сотрудники людей разныхъ партій и національностей, и была

уже надежда на то, что въ австрійскомъ парламентѣ начнется нормальная законодательная работа. Но этой надеждѣ не суждено было сбыться. Дворянство, клерикалы и придворная знать подняли кампанію противъ Бека за то, что онъ не обуздывалъ соціалъ-демократію и пригласилъ въ министры поляка и чеха. Въ результатѣ этой кампаніи императоръ далъ отставку Беку (1908 г.) и назначилъ премьеромъ Бинерта, человѣка не способнаго проводить широкія реформы и повелшаго снова мелочную политику. У рейхсрата снова не оказалось матеріала для серьезной работы, и онъ вернулся къ прежней національной борьбѣ. При Бинертѣ и при его часто мѣнявшихся преемникахъ не было проведено никакихъ важныхъ реформъ, и въ рейхсратѣ возобновились прежнія скандальныя столкновенія между чехами и нѣмцами, между поляками и русинами и т. д. Въ силу этихъ столкновеній даже бюджеты оказывалось невозможнымъ проводить черезъ рейхсратъ, и ихъ приходилось устанавливать внѣпарламентскимъ порядкомъ, путемъ императорскихъ указовъ (въ силу статьи 14 конституціи). Въ такомъ положеніи острой національной борьбы застала Австрію и Великая война 1914 года.

Какъ въ Австріи поляки и чехи боролись противъ нѣмцевъ, такъ въ Венгріи хорваты, сербы и румыны вели борьбу противъ господствующей въ ней національности—мадьяръ. Особенно упорно боролись за свои національныя права хорваты и сербы въ Хорватіи. Въ 1908 году хорватскій сеймъ (въ Загребѣ) за свою упорную борьбу противъ мадьяръ былъ распущенъ и не созывался до самаго 1913 года. Хорватскихъ сербовъ венгерское правительство даже обвиняло въ государственной измѣнѣ и въ тяготѣніи къ соединенію съ единоплеменной Сербіей. Подозрительность венгерскаго, а также и

австрійскаго правительства по отношенію къ хорватскимъ сербамъ особенно усилилась со времени сербскихъ побѣдъ 1912 и 1913 гг., которыя вызвали въ Хорватіи открытое ликованіе. Въ усиленіи Сербіи, происшедшемъ послѣ двухъ балканскихъ войнъ, австро-венгерское правительство видѣло усиленіе славянства вообще и боялось, что это усиленіе будетъ во вредъ нѣмцамъ въ Австріи и мадьярамъ въ Венгріи. Великая война, начатая Австріей въ 1914 году, должна была положить конецъ этому усиленію.

Австрійскій соціализмъ. Національная раздробленность Австро-Венгріи сообщила особый характеръ австрійскому соціализму. Въ другихъ странахъ соціализмъ носилъ (въ согласіи съ ученіемъ Маркса) космополитическій характеръ; и австрійскіе соціалъ-демократы, попавъ въ первый разъ въ рейхсратъ въ 1897 г., объявили себя международной партіей, для которой не существуетъ національныхъ отличій; но національная вражда въ предѣлахъ австро-венгерской монархіи оказалась настолько сильна, что соціалъ-демократы разныхъ народностей часто враждуютъ другъ съ другомъ, а славянскіе соціалисты, напримѣръ, упрекаютъ нѣмецкихъ въ стремленіи къ централизму. Польскіе же соціалисты, поставившіе своей цѣлью прежде всего объединеніе и освобожденіе своей націи, приняли участіе въ австрійской соціалъ-демократической партіи лишь подъ условіемъ самой широкой автономіи.

Теоретики австрійскаго соціализма принуждены были также удѣлить большое вниманіе національнымъ вопросамъ. Считая, что національные вопросы мѣшаютъ австрійскимъ рабочимъ сосредоточиваться на классовой борьбѣ, они находятъ, что для устраненія національной вражды необходимо уничтожить преобладаніе нѣмцевъ

въ Австріи и мадьяръ въ Венгріи и дать возможность каждой національности безпрепятственно и самостоятельно удовлетворять всѣ свои потребности; какъ средство для этого они рекомендуютъ дарованіе каждой націи широкаго самоуправленія.

Внѣшнія отношенія Германіи и Австріи послѣ войны 1870-71 гг. и подготовка Великой войны. Послѣ войны 1870 г. Германія стояла на вершинѣ военной славы, и Бисмаркъ, руководитель тогдашней германской политики, уже не думалъ о новыхъ завоеваніяхъ. Ему нужно было позаботиться о другомъ. Своими недавними побѣдоносными войнами Германія задѣла самолюбіе многихъ націй, и Бисмаркъ боялся, какъ бы противъ нея не возникла могущественная коалиція чуть не всѣхъ державъ Европы. Противъ этой опасности ее надо было застраховать. Легче всего ему было привлечь на свою сторону Австрію, поманивъ ее возможностью вознагражденій на Балканскомъ полуостровѣ. Но, поддерживая Австрію, Бисмаркъ не хотѣлъ ссориться и съ Россіей. Онъ желалъ устроить дѣло такъ, чтобы Австрія и Россія полюбовно размежевались на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ находилъ достаточно мѣста для обоихъ государствъ. Поэтому къ соглашенію съ Австріей онъ стремился привлечь и Россію. Послѣ нѣкоторыхъ усилій ему удалось убѣдить въ необходимости такого соглашенія Александра II. Въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1872 г., съѣхались Вильгельмъ I, Францъ-Іосифъ и Александръ II и обязались не предпринимать ничего важнаго на Балканахъ безъ соглашенія другъ съ другомъ, поддерживать старыя границы и старые порядки во всей Европѣ и совмѣстно бороться противъ соціалистической опасности. Обезопасивъ Германію со стороны Австріи и Рос-

сіи, Бисмаркъ обратилъ свои взоры на Францію. Франція послѣ войны 1870-71 г.г. обнаружила удивительную жизнеспособность и стала оправляться гораздо быстрѣе, чѣмъ это было въ расчетахъ Бисмарка. Не надѣясь на возможность добрососѣдскихъ отношеній съ Франціей, Бисмаркъ рѣшилъ ослабить ее новой войной. Случай къ этому представился ему въ 1875 г., когда во Франціи былъ проведенъ новый законъ объ увеличеніи численности арміи. Но на этотъ разъ вмѣшались Россія и Англія, не въ интересахъ которыхъ было допускать новое ослабленіе Франціи. Бисмаркъ принужденъ былъ смириться, но затаилъ обиду и рѣшилъ при случаѣ отомстить Россіи. Въ 1877 г. вспыхнула война Россіи съ Турціей на Балканскомъ полуостровѣ. Послѣ разгрома Турціи притязанія на вліяніе на Ближнемъ Востокѣ въ ущербъ интересамъ Россіи заявила и Австрія. Выяснилось, что полюбовное соглашеніе между Россіей и Австріей по балканскимъ дѣламъ невозможно. Германіи предстояло теперь выбирать между двумя недавними друзьями, и она не колебалась въ своемъ выборѣ. На конгрессѣ, собравшемся послѣ окончанія войны въ Берлинѣ, Бисмаркъ поддержалъ не Россію, а Австрію, которая благодаря этой поддержкѣ получила право оккупировать Боснію и Герцеговину. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до заключенія двойственнаго оборонительнаго союза между Германіей и Австріей, который и былъ заключенъ въ октябрѣ 1879 года и былъ направленъ прежде всего противъ Россіи. Несмотря на это, Бисмаркъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить дружественныя отношенія съ Россіей. Въ 1887 году ему удалось даже устроить новое соглашеніе между Россіей, Австріей и Германіей, по которому три императора обязывались соблюдать въ

отношеніи другъ къ другу дружественный нейтралитетъ, если кто-нибудь изъ нихъ подвергнется чьему-либо нападенію. Незадолго до этого, въ 1882 году, Бисмарку удалось добиться еще одного дипломатическаго успѣха: къ двойственному союзу Австро-Венгріи съ Германіей ему удалось присоединить и Италію, которая искала союзниковъ въ возможной войнѣ съ Франціей. Тройственный союзъ сталъ теперь крупнѣйшей силой во всемъ мірѣ, и Бисмарку, казалось, теперь уже нечего было тревожиться за безопасность Германіи.

Но одного только европейскаго могущества Германіи Бисмарку было мало. Въ послѣдніе годы своего пребыванія у власти онъ сталъ думать о превращеніи Германіи въ міровую державу и сталъ работать въ пользу укрѣпленія ея власти на моряхъ и океанахъ. До восьмидесятыхъ годовъ у Германіи не было колоній, и Бисмаркъ относился довольно равнодушно къ вопросу объ ихъ пріобрѣтеніи. «У меня нѣтъ колоніальныхъ стремленій», говорилъ онъ еще въ 70-хъ годахъ. Но въ 80-хъ годахъ его отношеніе къ колоніальному вопросу перемѣнилось. Всегда чуткій къ тому, что было связано съ коммерческимъ процвѣтаніемъ Германіи, онъ не могъ не замѣтить, что колоніи играютъ огромную роль въ промышленномъ развитіи той страны, которой они принадлежатъ. Въ силу этого Бисмаркъ пришелъ къ заключенію, что Германія должна стать на колоніальный путь. Но колоніальное могущество Германіи должно было начаться, по его мнѣнію, съ частнаго предпринимательства,— съ помощью тѣхъ коммерсантовъ, которые заведутъ торговлю во внѣевропейскихъ странахъ или займутся тамъ полезными промыслами. Только тогда, когда нѣмецкимъ негоціантамъ представится близкая возможность стать въ колоніяхъ на твердую почву,—только тогда возмож-

по объявленіе суверенитета Германіи надъ этими колоніями. Ставъ на такую точку зрѣнія, Бисмаркъ по просьбѣ различныхъ купцовъ и предпріимчивыхъ людей въ короткое время объявилъ верховенство Германіи надъ обширными африканскими и океаническими землями. Въ короткій срокъ Германія превратилась въ колоніальную державу, причемъ ея колоніи во много разъ превышали территорію Германіи (такъ, въ одной Африкѣ у Германіи оказалось въ 4 раза больше земель, чѣмъ въ метрополіи).

При Бисмаркѣ отношенія Германіи съ ея сосѣдями не представляли большой опасности, и желѣзному канцлеру не приходилось особенно тревожиться изъ-за внѣшнихъ дѣлъ. Въ первые годы послѣ вступленія на престолъ Вильгельма II также не было особенныхъ поводовъ для тревоги. Въ 90-хъ годахъ XIX вѣка у Германіи какъ бы даже намѣтился и новый союзникъ въ лицѣ Англіи. Бисмаркъ относился къ Англіи довольно недовѣрчиво; но Вильгельмъ II въ началѣ своего царствованія хотѣлъ наладить съ Англіей дружественныя отношенія и оторвать ее отъ возможнаго союза съ Франціей. Къ этому побуждало его и крайняя непрочность германской дружбы съ Россіей; договоръ 1887 г. былъ разорванъ въ самомъ началѣ царствованія Вильгельма II. Канцлеръ Каприви заключилъ съ англичанами въ 1890 году соглашеніе по африканскимъ дѣламъ, которое отдавало въ руки Англіи половину восточноафриканскихъ колоній Германіи въ обмѣнъ на Гельголандъ въ Сѣверномъ морѣ. Затѣмъ Вильгельмъ II не разъ подчеркивалъ въ своихъ рѣчахъ, что миръ въ Европѣ призваны охранять, съ одной стороны, германская армія, а съ другой — англійскій флотъ. Но дружба съ Англіей оказалась столь же непрочной, какъ и дружба

съ Россіей. Царствованіе Вильгельма II было временемъ необычайно быстраго, почти сказочнаго роста германскаго флота; почти съ каждымъ годомъ морской бюджетъ Германіи выросталъ; строились новыя военныя суда, создавались широкія кораблестроительныя программы, и Англія начинала задумываться надъ той опасностью, которую для нея сталъ создавать чрезмѣрный ростъ морской силы Германіи. Другую опасность для Англіи представляли стремленія Германіи утвердить свое вліяніе на Ближнемъ Востокѣ. Бисмаркъ думалъ, что Германія совершенно не заинтересована въ ближне-восточныхъ дѣлахъ. Вильгельмъ II, наоборотъ, стремился проложить путь для германскихъ капиталовъ и товаровъ и для германскаго политическаго вліянія черезъ Балканскій полуостровъ въ Турцію,—въ ея малоазіатскія и месопотамскія владѣнія, а оттуда и въ Персію. Для этого онъ затѣялъ такъ называемую багдадскую желѣзную дорогу, которая должна была связать устье Тигра и Евфрата у Персидскаго залива съ Берлиномъ. Англія ни за что не хотѣла отказаться отъ проникновенія ея вліянія и ея товаровъ въ ближне-восточныя страны—Турцію и Персію; кромѣ того она опасалась, какъ бы Германія черезъ Ближній Востокъ не достигла и до ея лучшей колоніи—Индіи. Наконецъ, третьей причиной разрыва между Англіей и Германіей былъ чрезмѣрный ростъ германской промышленности: и въ европейскихъ и во внѣевропейскихъ странахъ германскіе товары стали вытѣснять англійскіе; даже въ самой Англіи появилось много фабричныхъ издѣлій съ отмѣткой: «сдѣлано въ Германіи». Все это въ совокупности и вызвало отдаленіе Германіи отъ Англіи. Англія стала въ противовѣсъ Германіи сближаться съ Франціей, и между ними въ 1903—4 гг. было заключено соглашеніе, уладившее

ихъ прежнія колоніальныя распри. Черезъ Францію Англія начала сближаться и съ Россіей, и въ августѣ 1907 года состоялось соглашеніе и между этими двумя государствами. Россія такъ же, какъ и Англія, боялась чрезмѣрнаго роста Германіи и ея союзницы - Австріи на Ближнемъ Востокѣ: на Балканахъ, въ Турціи и Персіи; боялась она также захватныхъ стремленій Германіи относительно русской Польши.

Конецъ XIX и начало XX вѣка въ исторіи Германіи являются временемъ непомѣрнаго роста не только морской, но и сухопутной силы; почти съ той же быстротой, какъ и флотъ, росла и германская армія. Въ германской печати, въ рѣчахъ самого Вильгельма II и его канцлеровъ нерѣдко звучали крайне воинственныя ноты. Вильгельмъ II говорилъ, что весь міръ долженъ бояться германскаго «бронированнаго кулака», и Россіи стало ясно, что противъ воинственныхъ плановъ Германіи уже недостаточно одного союза съ Франціей, а нужна и другая гарантія. Такой гарантіей и являлось соглашеніе съ Англіей, которое улаживало споры Россіи и Англіи въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ и въ то же время давало надежду на совмѣстное отстаиваніе интересовъ обоихъ государствъ противъ захватныхъ стремленій Германіи.

Первое десятилѣтіе XX вѣка ознаменовалось довольно частыми столкновеніями между Германіей и Австріей, съ одной стороны, и Россіей, Франціей и Англіей— съ другой. Въ 1905—6 гг. едва не вспыхнула война между Франціей и Германіей изъ-за Марокко. Вильгельмъ II не хотѣлъ примириться съ переходомъ этой колоніи подъ протекторатъ Франціи и даже грозилъ войной. Но на конференціи, которая собралась въ 1906 году по этому поводу (въ г. Алжезирасѣ), Францію рѣшительно поддержали Англія и Россія, а также Италія и Соеди-

ненные Штаты. Въ виду этого Германія не рѣшилась на войну. Но марокскій вопросъ этимъ не былъ окончательно улаженъ. Въ 1911 году возникло новое острое столкновеніе изъ-за Марокко между Англіей и Германіей. Въ этомъ году французы послали свои войска въ Марокко для подавленія возникшаго тамъ возстанія и заняли городъ Фецъ. Въ отвѣтъ на это Германія тоже хотѣла занять какую-нибудь часть марокской территоріи, но Англія заявила, что не допуститъ этого ни подъ какимъ видомъ. Въ новомъ расширеніи колоніальныхъ владѣній Германіи Англія видѣла для себя большую опасность. Германія снова уступила, но теперь ея отношенія съ Англіей уже окончательно испортились, и въ Германіи съ большимъ озлобленіемъ стали говорить объ «англійской опасности».

Съ Россіей у Германіи также происходили столкновенія изъ-за балканскихъ дѣлъ. Въ 1908 году Австрія захватила Боснію и Герцеговину на Балканскомъ полуостровѣ. Россія сначала протестовала, но въ виду того, что Германія рѣшительно стала на сторону Австріи, она въ концѣ концовъ принуждена была смириться. Черезъ два года послѣ этого (1910 г.) произошло свиданіе русскаго императора и Вильгельма II въ Потсдамѣ, которое нѣсколько улучшило отношенія между Германіей и Россіей (по соглашенію въ Потсдамѣ Россія обѣщалась не мѣшать развитію нѣмецкой торговли въ Персіи, а Германія признала сѣверную Персію областью русскаго вліянія), но не надолго. Балканская война 1912 года (сначала между Турціей съ одной стороны и Черногоріей, Сербіей Болгаріей и Греціей съ другой стороны, а затѣмъ война между союзниками—Болгаріей съ Сербіей и Греціей) опять разсорили Россію съ Германіей и Австріей. Г[illegible] и Австрія все [illegible] поддерживала Тур-

цію и Болгарію, Россія—Сербію съ Черногоріей и отчасти Грецію. Исходъ Балканской войны былъ неблагопріятенъ для Германіи и Австріи, такъ какъ ихъ друзья—Турція и Болгарія—были ослаблены, а враги—Сербія и Черногорія—наоборотъ, усилены. Поправить дѣло можно было только новой войной, и Германія стала искать къ ней теперь поводъ. Лѣтомъ 1914 года такой поводъ былъ найденъ, и началась Великая европейская война.

НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА

Серія беллетристическая.

№ 1. [illegible]. Охранитель Ц. 20 к.
№ 2. [illegible]ская. Только часъ. Ц. 20 к.
№ 3. [illegible]скій. Сруль изъ Любартова. Ц. 10 к.
№ 4. [illegible]ская. Яктовъ. Ц. 10 к.
№ 5. Л. Толстой. Божеское и человѣческое.

Серія политическая.

№ 51. В. Алексѣевъ. Зачѣмъ и какъ выбирать въ Учредительное Собраніе? Ц. 20 к.
№ 52. В. Алексѣевъ. Свободный гражданинъ и его права.
№ 53 Прив.-доц. Ю. Ключниковъ. Революція и война.
№ 54. Прив.-доц. Н. Арсеньевъ. Революція и вѣра.
№ 55. Прив.-доц. Н. Фіолетовъ. Церковь въ новой Россіи.
№ 56. Прив.-доц. Л. Успенскій. Соціальныя задачи государства.
№ 57. Прив. доц. С. Кочеквянъ. Какая намъ нужна республика?

Серія историческая.

№ 101. Е. Ефимова. Великая французская революція. Ц. 50 к.
№ 102. В. Перцевъ. Франція въ XIX вѣкѣ. Ц. 50 к.
№ 103. В. Перцевъ. Германія и Австрія въ XIX вѣкѣ. Ц. 60 к.
№ 104. В. Перцевъ. Англія въ XIX вѣкѣ.
№ 105. В. Перцевъ. Италія въ XIX вѣкѣ.
№ 106. Е. Вишняковъ. Декабристы.
№ 107. В. Пичета. Первые русскіе соціалисты.

Серія экономическая.

№ 151. I. Войтинскій. Примирительныя камеры на Западѣ. Ц. 15 к.
№ 152. I Войтинскій. Примирительныя камеры въ Россіи.

ЛИГА АГРАРНЫХЪ РЕФОРМЪ

Редакціонный комитетъ: П. П. Масловъ, С. Л. Масловъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ.

Статистическій справочникъ по аграрному вопросу. Выпускъ 1-й: Землевладѣніе и землепользованіе.

А. В Чаяновъ. Къ постановкѣ аграрнаго вопроса.

Н. П. Макаровъ. Крестьянское хозяйство и его интерессы.

Заказы направлять по адресу: Москва, 4-й Сыромятническій п., 1. Акц-ое О-во «Универсальная Библіотека», тел. 1-24-21.

2p